А. А. ИСБАХ

ТОВАРИЩ АБСОЛЮТ

ПРОЧТИ ТОВАРИЩ

А. А. ИСБАХ

ТОВАРИЩ АБСОЛЮТ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. Д. СТАСОВОЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» Москва 1973

3КП1(092)
И85

Исбах Александр Абрамович

И85 Товарищ Абсолют. М., «Знание», 1973.

с. 112 (Серия «Прочти, товарищ!»)

Книга о жизни и борьбе видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верной соратницы В. И. Ленина — Елены Дмитриевны Стасовой — выходит к 100-летию со дня ее рождения.

Автор освещает начало пути замечательной русской революционерки, деятельность Стасовой на посту секретаря ЦК партии, председателя ЦК Международной организации помощи революционерам.

До последних дней жизни Е. Д. Стасова была страстным партийным пропагандистом. Большую роль сыграла она в воспитании молодого поколения.

1-2-2 3КП1(092)

Т. п. 1973 г. № 147

НА ЗАРЕ

В истории русской интеллигенции семья Стасовых занимает свое почетное место. Отец, Дмитрий Васильевич, известный прогрессивный юрист, стойкий и умелый защитник на многих политических процессах, прекрасный музыкант, друг Михаила Глинки и Антона Рубинштейна, один из основателей Петербургской консерватории и Русского музыкального общества.

Дядя, Владимир Васильевич Стасов, к которому была особенно привязана юная Леля, — замечательный художественный и музыкальный критик, ученик неистового Виссариона (его и самого называли Белинским в искусстве). Владимир Стасов стоял у истоков двух бурных течений в русской культуре. «Передвижники» в живописи и «Могучая кучка» в музыке.

Крамской, Перов, Ге, Мясоедов, Левитан, Репин, Серов, Суриков, Шишкин, Васнецов, Куинджи, Поленов...

Антокольский и Гинцбург.

Балакирев. Римский-Корсаков. Бородин. Кюи. Мусоргский... Потом Чайковский. Потом «молодые»: Лядов, Глазунов, Аренский.

Сколько критических копий сломал Владимир Стасов в защиту новаторов в области живописи, скульптуры и музыки. Скольким новым талантам открыл он дорогу в жизнь.

Один из старых большевиков-подпольщиков, «крестник» Елены Дмитриевны в революционном движении, друг Максима Горького — Николай Евгеньевич Буренин часто вспоминал о братьях Стасовых.

Посетители концертов симфонической музыки всегда видели в одном из первых рядов партера двух маститых старцев.

«Один из них — человек богатырского телосложения, с большой седой головой. Он обладал мощным басом, и, когда во время антрактов разговаривал о чем-либо с соседями, его «тихий шепот» слышали за несколько рядов. Это был Владимир Васильевич Стасов, известный всему миру музыкальный и художественный критик, выдающийся деятель русской культуры. Другой — худой, очень высокий, белый как лунь, с длинными седыми волосами, с кругловатой бородкой, в неизменном пенсне на черном шнурке. Это был младший брат Владимира Васильевича — Дмитрий Васильевич Стасов, старшина присяжных поверенных Петербурга».

Дмитрий Стасов был защитником в ряде знаменитых политических процессов конца XIX века, в частности, в процессе Каракозова. На квартире Стасовых всегда жили подзащитные, взятые на поруки.

По четвергам в квартире Стасовых на Фурштадтской улице собирались известные художники, артисты, музыканты. Здесь устраивались благотворительные концерты «в пользу бедных».

Общество было самое разнообразное. «На вешалке в передней вперемешку с дорогими шубами и генеральскими шинелями с бобрами виднелись скромные пальтишки студентов и курсисток».

Молодой студент Н. Е. Буренин, хорошо игравший на рояле, был также приглашен участвовать в этих концертах.

Потом Буренина стали приглашать и по воскресень-

ям, когда у Стасовых собирались только родные, самые близкие знакомые.

В столовой в дальнем конце стола за самоваром сидела Леля Стасова. Одетая обычно в скромное, черное платье, она разливала чай. Буренин вскоре заметил, что Елена жила какими-то своими, особыми интересами. Что это за интересы, он узнал позже.

Уже в 1907 году, когда Н. Е. Буренин, активный участник революционного движения, был арестован полицией и предстал перед судом, он с удивлением и радостью увидел в судебном зале среди других близких людей седовласого Дмитрия Васильевича Стасова. Стасов подошел к подсудимому обнял его через решетку, поцеловал, справился о здоровье и сказал:

— Если бы вы слышали новую симфонию Глазунова! Вчера ее исполняли в Симфоническом собрании. Ну, знаете, и гениальное же произведение!

И Дмитрий Васильевич стал рассказывать о достоинствах новой симфонии...

С самых детских лет Леля Стасова приобщилась к высокому искусству.

Роясь в огромной библиотеке отца, она рано открыла для себя «Ад» Данте и «Дон-Кихота» Сервантеса.

Она часами простаивала перед замечательными полотнами, висевшими на стенах квартиры, — подарками великих художников.

«Осужденный» Маковского, эскизы к «Бурлакам» Репина, «Тройка» Перова, портреты родных, написанные Репиным и Крамским. Скульптуры Антокольского.

Она слушала, притаясь где-нибудь в углу гостиной, новые музыкальные пьесы в исполнении самих композиторов, крупнейших мастеров века Антона Рубинштейна и Михаила Балакирева. Она познакомилась и с вдохновенной музыкой Бетховена и Шуберта, Листа и Берлиоза, со всеми программными произведениями русских композиторов.

Она была покорена могучим басом Федора Ивановича Шаляпина.

Не раз впоследствии рассказывала нам Елена Дмитриевна об огромном влиянии музыки Рубинштейна на слушателей. Особенно любила она вспоминать об одном эпизоде. Первый раз услышала она игру Рубинштейна, когда ей было три года. Впоследствии в одном из концертов Русского музыкального общества Антон Григорьевич исполнял «Симфонические этюды» Шумана. «Когда он заиграл это произведение, мне стало ясно, что я уже слышала эту вещь в его же исполнении. Вернувшись домой, я спросила отца, играл ли Рубинштейн эту вещь у нас дома. Отец ответил утвердительно. Вот какое впечатление на детский ум произвела игра Рубинштейна».

О значении классической музыки для воспитания трудящихся Стасова говорила многократно на протяжении всей своей долгой жизни. В предисловии к воспоминаниям Н. Е. Буренина, изданным уже в шестидесятые годы, она, перебрасывая мост от прошлого к нашим дням, снова писала о безграничных возможностях, которые открываются в настоящее время для «приобщения масс к искусству».

Она писала потом в своем дневнике:

«Вспоминается, как Владимир Васильевич (Стасов. — *А. И.*) слушал музыку. Вот, например, играют Шестую симфонию П. И. Чайковского. Владимир Васильевич сидит с закрытыми глазами, и видно, что он все забыл и целиком ушел в эти удивительные звуки. Или исполняется «Богатырская симфония» Бородина, и он рукой подчеркивает знаменитые «клеванья»[1] А. П. Бородина»...

[1] В. В. Стасов называл «клеваньями» в скерцо Второй симфонии Бородина нисходящие акценты духовых инструментов на общем фоне звучания всего оркестра в быстром темпе.

Но не только в мир чистого искусства погружалась юная гимназистка.

И отец и дядя, непосредственно не связанные с революционной борьбой, были людьми прогрессивными и ненавидели царизм. Активное участие в организации воскресных школ принимала и мать Лели — Поликсена Степановна.

М. Горький в своих воспоминаниях о В. В. Стасове писал, что каждый арест, о котором тот слышал, искренне огорчал его.

«Губят людей, — говорил он. — Лучшее на земле раздражают и злят — юношество! Ах, скоты!»

В. В. Стасов был лично связан с А. И. Герценом, бывал у него в Лондоне. Увлекался сочинениями Чернышевского, поддерживал петрашевцев. Материальную помощь Н. Г. Чернышевскому оказывал и Д. В. Стасов.

Елена Дмитриевна как-то, усмехаясь, рассказывала нам о любопытном эпизоде, свидетельницей которого ей пришлось быть.

После смерти Александра III всем служащим государственных учреждений были вручены медали с изображением царя. В. В. Стасов, числившийся на службе в Государственной публичной библиотеке, тоже получил такую медаль.

Он принес ее домой и повесил... в уборной.

Домашние пришли в ужас. А вдруг обыск? Арест неминуем. «Ну и пусть», — озорно воскликнул Стасов, посмеиваясь в бороду...

Знаменитый критик, «непричастный» к политике и не связанный с «бунтарскими» организациями, однако «негласно» поддерживал свою юную племянницу, когда она вышла на революционную стезю.

Как тайный советник он получал на адрес императорской Публичной библиотеки в общем потоке зару-

бежной литературы и «нелегальщину». В том числе два экземпляра «Искры». Один экземпляр шел в секретный архив библиотеки. Другой... в руки племянницы-революционерки.

Владимир Васильевич прививал Леле и многие навыки, пригодившиеся ей потом в подпольной деятельности. Он часто поручал ей передать кому-нибудь «с фотографической точностью» то или другое сообщение.

Это приучило Елену запоминать необходимое дословно, без записи — неоценимое качество для подпольщика. В. В. Стасов приучил племянницу и к абсолютной точности, аккуратности. Качество, которое так ценил Ленин и которое отличало Елену Дмитриевну долгие годы и на посту секретаря ЦК, и в руководстве Международной организации помощи революционерам.

...А на революционный путь Елена Стасова вышла рано. Серьезная, вдумчивая не по годам, девочка, перерыв всю библиотеку отца, с особым интересом перечитывала сочинения Чернышевского, воспоминания декабристов, книги по истории революционного движения. Якобинцы, чартисты, парижские коммунары, «красная дева» Коммуны — Луиза Мишель.

Часто с большим уважением вглядывалась она в фотографии народовольцев, среди которых были и женщины. Вера Фигнер, Вера Засулич. Бывавший в доме Стасовых известный юрист А. Ф. Кони подробно рассказывал о процессе Веры Засулич, и Леля слушала его восхищенно, широко раскрыв глаза, и ей хотелось хоть немного походить на эту отважную женщину.

«Чем и как можно объяснить уход этих людей из своего класса в стан его врагов? — писал А. М. Горький. — Это — честные, здоровые люди, они задыхались в условиях буржуазной обстановки... Люди почувствовали веяние настоящей свободы и пошли туда, откуда оно исходило...»

Началось знакомство и с политической экономией. Джон Стюарт Милль (с предисловием Чернышевского), Чупров, Туган-Барановский. А потом — Карл Маркс. Третий том «Капитала» Стасова прочла на немецком языке.

Серьезная углубленная работа. С карандашом. С подробными конспектами.

Но одной теории было уже мало.

Постоянное общение с передовыми прогрессивными деятелями культуры оказывало большое влияние на Елену. Ей хотелось не только накоплять знания, но и делиться ими, идти в народ, к людям, жаждущим этих знаний. Ей было уже узко в кругу семьи.

Сдержанная, молчаливая, всегда строго одетая, она конденсировала в себе неуемную энергию, которая страстно искала выхода.

Начала преподавать в женской воскресно-вечерней школе Технического общества на Лиговке.

Ученицами школы были работницы-текстильщицы и табачницы.

Так состоялся выход Елены Стасовой в большой мир. Так началось знакомство с питерским пролетариатом.

Предгрозовые дни кануна XX века. В 1896 году вспыхнула большая забастовка текстильщиков. У женской школы, где преподавала Стасова, были тесные контакты с мужской Глазовской школой для рабочих.

В этой школе работали товарищи, связанные с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Молодые педагоги давали своим ученикам книги о жизни и борьбе угнетенных масс: «На рассвете» Ежа, «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли, «Углекопы» («Жерминаль») Золя.

На уроках разбирали книги Короленко и Горького...

Был создан «Подвижной музей учебных пособий». Большую помощь музею оказывал Н. А. Рубакин. Для

музея либеральная графиня Софья Панина построила дом с большим зрительным залом.

В этом доме впоследствии выступал под фамилией Карпова Владимир Ильич Ленин.

ЛИСТОВКА ЛЕНИНА

Имя Ленина Елена Стасова впервые услышала еще в 1895 году. Работа в вечерних школах и в музее учебных пособий, долгие задушевные беседы с работницами и учительницами сблизили девушку с так называемыми «политиками». Среди них была молодая женщина, сразу завоевавшая уважение и любовь Елены. По имени Надежда, по фамилии Крупская. Н. К. Крупская привлекла Стасову к работе в политическом Красном Кресте — организации, связанной с революционным движением.

Вскоре Елена Дмитриевна стала помогать товарищам в хранении подпольной литературы.

Среди нелегально изданных листовок одна, с надписью синим карандашом «Петухи», особенно взволновала Стасову.

Это было воззвание к рабочим фабрики Торнтона. Забастовка 500 ткачей вспыхнула 5 ноября 1895 года под руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Листовка страстно призывала всех рабочих и работниц фабрики к поддержке бастующих ткачей. В ней были собраны убедительные материалы из жизни торнтоновских рабочих.

«6-ое и 7-ое ноября,— начиналась листовка, — должны быть для всех нас памятными днями... Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного

кошелька». Листовка призывала: «...если... не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, сплотитесь дружно около наших ткачей, выставим наши общие требования и при каждом удобном случае станем отвоевывать лучшую долю у наших угнетателей...»

Листовку написал Владимир Ильич Ленин.

А название «Петухи» ей дали потому, что звучала она, как предрассветный крик.

Забастовка на фабрике Торнтона закончилась для рабочих успешно. Это была одна из первых побед рабочего класса.

Связи Стасовой с рабочими все крепли. Все глубже и глубже втягивалась она в политическую, партийную работу. И работа эта была ей по душе и по сердцу.

Ее заметили. Ее уважали. С каждым днем все больше ценили ее знания, энергию, деловитость, организационные таланты.

Изредка собирались у нее новые друзья. Они дарили друг другу цветы. Красные гвоздики. Это был символ революционной борьбы.

В начале 1898 года Петербургский комитет партии оказал молодой учительнице огромное доверие. В один студеный февральский день ей поручили ведать всей «техникой» Комитета, всем партийным хозяйством.

«С этого момента, — писала в своих воспоминаниях Елена Дмитриевна Стасова, — я и считаю себя членом партии...»

РОЖДЕНИЕ «ИСКРЫ». «ДЕВУШКА С ПОРТФЕЛЕМ». ПИСЬМО К АБСОЛЮТУ

День 24 декабря 1900 года — одна из самых памятных дат Елены Стасовой. В этот день вышел первый номер ленинской «Искры».

«Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы...»

Так начиналась передовая статья, написанная Лениным.

«Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Агенты «Искры» действовали в разных городах России: в Москве — Николай Бауман, в Самаре — Г. М. и З. П. Кржижановские и М. И. Ульянова, в Ревеле — М. И. Калинин, в Петербурге — Е. Д. Стасова.

Распространение «Искры» явилось одной из самых почетных и самых трудных партийных обязанностей.

Надо было довести ленинское слово, прорывающееся сквозь все жандармские кордоны, до самых широких рабочих масс.

К каким только хитростям не прибегали агенты — распространители «Искры»! Рассказывая об этом, Елена Дмитриевна и через шестьдесят лет всегда хитро и загадочно улыбалась.

Из-за границы склеенные экземпляры газет, напечатанные на тонкой бумаге, доставлялись «заделанные» в переплеты невинных книг и альбомов. Сняв переплет, можно было размочить в теплой воде газеты, отделить лист от листа, просушить и свободно читать.

Специальная мастерская в Петербурге на Бассейной улице получала «для продажи» аляповатые гипсовые фигурки с тайной «начинкой». Нелегальная литература. Газеты. Письма. Литература «изымалась», а фигурки продавались на улицах.

Непрестанно шла переписка Петербургского комитета партии с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

К этому времени студент и музыкант Николай Буренин стал ближайшим помощником Стасовой.

Впервые арестованный (еще без достаточных для этого оснований) во время студенческой демонстрации у Казанского собора в 1901 году, он, выйдя из тюрьмы, поспешил к Стасовым, в родную семью.

Оба брата, Владимир и Дмитрий, взволнованно выслушали его горячий рассказ о кровавой расправе над студентами и рабочими, о тюремных испытаниях.

Дмитрий Васильевич даже предложил отпечатать рассказ на гектографе для нелегального распространения.

А Елена Дмитриевна слушала молча, не перебивая рассказчика, и ее спокойствие даже удивило Буренина.

Потом, когда все старшие ушли и пыл Николая Евгеньевича поостыл, состоялся тот откровенный разговор, который запомнился Буренину на всю жизнь. С этого, собственно, дня он и приобщился к подпольной работе. Елена Дмитриевна проявила к нему огромное доверие (изучала она его, оказывается, уже давно), она посвятила его в свою работу, рассказала о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, о Владимире Ильиче Ленине, о газете «Искра», о правилах конспирации. Этот разговор был первым, но далеко не последним.

Вначале Буренин выполнял небольшие поручения. Потом Стасова ввела его в техническую группу при Петербургском комитете РСДРП. Он стал ближайшим ее

помощником по распространению нелегальной литературы.

Знали ли обо всем этом родители Елены Дмитриевны? Несомненно догадывались. Но ни во что не вмешивались. Подпольщики бывали в этом доме частыми гостями.

Приходили в любое время дня, а иногда и ночью. Однажды, после очередного «музицирования», Дмитрий Васильевич решил показать Буренину какую-то новую книгу о музыке. Он достал книгу с полки. Вдруг из нее вылетела тонкая брошюрка. Стасов поднял ее, недоуменно рассмотрел, усмехнулся.

— Опять Леля сунула сюда свою нелегальщину... Просто беда с ней, — сказал он «сердито». И тут же бережно положил «нелегальщину» обратно.

Так вот они и жили в «благонамеренной» семье Стасовых...

Письма и литература шли сложным путем через Швецию и Финляндию. Важным перевалочным пунктом была таможенная станция Коркиямяки. Неподалеку у самой границы с Финляндией находилось имение Кириасалы, где жила Софья Буренина, мать Николая Буренина, который организовал конспиративную транспортировку литературы в Петербург.

Однажды за литературой в Финляндию пришлось отправиться самой Елене Дмитриевне.

Буренин посадил молодую женщину в телегу, на ящик. Она благополучно проехала мимо таможенников и добралась до дачи.

Но в Петербург ехать на телеге с ящиком было невозможно. Елена Дмитриевна переложила литературу в портплед и большую деревянную коробку из-под шляпы. Она добралась уже до самой своей квартиры, но в подъезде ремни коробки лопнули и вся «нелегальщина» высыпалась прямо к ногам швейцара... Казалось — все пропало.

Но бывший солдат-преображенец, уважавший молодую «барышню», точно ничего не понимая, с совершенно бесстрастным видом помог собрать литературу...

Подобных приключений случалось немало.

С квартиры приходилось выносить литературу частями, спрятав под платьем, чтобы не заметили везде снующие шпики.

Мать Буренина, Софья Игнатьевна, очень робела перед Еленой Дмитриевной. Она, конечно, догадывалась о подпольной работе своего сына и о причинах частых визитов к нему этой высокой, необычайно серьезной девушки из такой достойной петербургской семьи. Она заводила со Стасовой всякие разговоры, целью которых было раскрыть цель этих частых посещений. Кто знает... А может быть здесь просто лирические встречи. Люди-то ведь молодые. Елена Дмитриевна, опытный конспиратор, всегда дипломатически отделывалась от каверзных вопросов.

Как-то мать сказала Буренину:

— Знаешь, Коля, когда я разговариваю с Еленой Дмитриевной, мне кажется, что она считает меня просто дурой, да и сама я чувствую себя ужасно глупой.

Но однажды, как вспоминал Буренин, произошел случай, который помог Софье Игнатьевне избавиться от робости перед Еленой Дмитриевной.

Прибыл большой груз с нелегальной литературой. Его доставили на петербургскую квартиру Буренина. Нужно было немедленно вынести его из квартиры.

Мобилизованы были все «агенты». Пришла, конечно, и Елена Дмитриевна. Литературу получали в кабинете Буренина. Надо было спрятать ее под одеждой. Буренин отошел к окну. Елена Дмитриевна, разоблачившись, стала обкладывать себя литературой.

В этот момент в кабинет заглянула кухарка Бурениных. Увидев полураздетую девушку, она моментально исчезла и помчалась к барыне...

Мать ни о чем не расспрашивала Николая, но при новых встречах и разговорах с Еленой Дмитриевной лукаво улыбалась. «Ты, матушка, плети что угодно, а я все-таки про тебя кое-что знаю».

Позже, когда Софья Игнатьевна узнала истинную подоплеку этого столь странного происшествия, она сама долго над ним смеялась.

Впоследствии С. И. Буренина много помогала сыну в подпольной его работе.

Через много, много лет, через шесть десятилетий, незадолго до смерти Буренина, своего «крестника» навестила Елена Дмитриевна Стасова, специально приехавшая из Москвы в Ленинград. Старые друзья встретились на той же, кстати, квартире, на Рузовской улице, где Буренин прожил всю свою жизнь. О многом вспомнили в тот вечер два старых друга. И о первой встрече, и о музыкальных вечерах на квартире Стасовой на Фурштадской. В архиве Буренина хранились замечательные документы. Как выяснилось, царская охранка вела пристальное наблюдение за этими «вечерами».

Охранное отделение в одном из секретных донесений докладывало министру внутренних дел: «Квартира семейства Стасовых часто служит местом собраний неблагонадежных лиц, в присутствии которых под видом семейных вечеринок, производилось чтение лекций и рефератов с денежными сборами в пользу различных революционных фондов».

И больше всего охранников интересовала дочь Дмитрия Васильевича, учительница воскресной рабочей школы Елена Стасова.

«Стасова, — гласило донесение, — известна Департаменту полиции еще с 1896 года по принадлежности своей к организовавшемуся в столице подпольному сообществу, именовавшемуся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса...»

Одной из баз была квартира врача К. А. Крестнико-

ва. Приходившие к нему «пациенты», выходили от доктора заметно округлившимися, пополневшими. «Медикаменты» этого замечательного доктора молниеносно излечивали даже самых худых и изможденных.

Елена уносила на себе не менее пуда литературы. И всегда ходила с портфелем. Даже в театр или на концерт. В донесениях шпиков она так и значилась: «Девушка с портфелем...»

Из портфеля порой струился тонкий аромат. Букетик красной гвоздики, любимых «искровцами» цветов.

Кроме распространения литературы, Стасова принимала непосредственное участие в печатании листовок. Сотни забот отнимали полностью ее время с утра до вечера. Гектограф. Желатин и глицерин для варки гектографической массы. Бумага.

Какой сплав преданности партии, энергии, изобретательности нужен был, чтобы вопреки всем ухищрениям полиции, вопреки всем преследованиям ежедневно, ежечасно, ежеминутно быть на боевом посту — выпускать гневные, вдохновенные партийные листовки и распространять их в условиях строгой жандармской блокады.

Каждая листовка была вызовом самодержавию и реакции.

Майские дни 1901 года. Полиция произвела много арестов. Среди арестованных — члены Петербургского комитета.

Надо доказать, что аресты не страшны, что Петербургский комитет существует.

И пишется острая первомайская листовка, и она выходит, и она распространяется по городу и даже обер-прокурор Синода мракобес Победоносцев и палач — министр внутренних дел Дурново находят листовку в своих почтовых ящиках.

А высокая, стройная, неуловимая девушка в пенсне, целую ночь печатавшая, а потом сама распространявшая листовки, рано утром трясется на извозчике, обмо-

танная под платьем красным знаменем, чтоб доставить его на Путиловский завод для демонстрантов...

Она стала образцовой подпольщицей. Конспиративные ее успехи иногда приводили даже к неожиданным комическим последствиям.

Одна из лучших явок — Постоянная выставка Академии художеств. Секретарь выставки — член партии. Здесь должны впервые встретиться по важному партийному поручению Мария Моисеевна Эссен и Елена Дмитриевна Стасова.

М. М. Эссен долго безрезультатно бродит по выставке и расстроенная удаляется. Стасовой нет. По тем же залам ходит элегантная дама. Шляпа, отделанная соболем. Тончайшая вуалетка. Золотой лорнет в руках. Она, видимо, тоже кого-то ждет. Не дождавшись, заходит в кабинет секретарши.

— Елена Дмитриевна! А Эссен не нашла вас. Она думала встретить скромную курсиху, а вы точно с дворцового приема!

Через Елену Дмитриевну проходила долгие месяцы вся переписка со многими городами России, с заграницей, с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Это было очень сложное и трудное дело. Между II и III съездами партии в адрес Н. К. Крупской поступало до 300 писем в месяц. Каждый текст письма следовало продумать, зашифровать, детально проверить. Составить замаскированное «внешнее» письмо. Между строк внешнего письма «химией» написать зашифрованное. Шифром переписки с Надеждой Константиновной Крупской была басня Крылова «Дуб и трость». В этой басне имеются все буквы алфавита. И Стасова и Крупская уже знали наизусть, в какой строчке какая буква стоит. Из предосторожности все же (чтобы не оставлять следа на книжке) писали басню на отдельной бумажке, а потом по ней шифровали.

Были, впрочем, и иные шифры.

«Я шифровала также быстро цифрами, — вспоминала Елена Дмитриевна, — как писала бы буквами, так как знала наизусть, в каком слове какое место занимает буква».

«Подпольный опыт, — рассказывала впоследствии Елена Дмитриевна, — пригодился мне и тогда, когда я стала плохо видеть... Ведь и в те времена, когда писала симпатическими чернилами, я не видела написанного...»

А Владимир Ильич из далекой Женевы следил за всеми событиями в России, с нетерпением ждал каждой весточки, каждой детали.

В одном из писем своих он писал:

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь* ее... Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодежи *сотни* кружков вперередовцев и поощряйте их работать вовсю».

Эти письма бодрили, вливали новые силы, вдохновляли на борьбу и на трудную повседневную будничную работу. Листовки. Письма. Шифр. Конспирация. Распространение. Изготовка паспортов. Техника.

Партии нужны были деньги. Устраивались платные лекции, концерты. И это тоже входило в обязанности Елены Дмитриевны как члена финансовой комиссии. У нее ведь были многочисленные связи в мире искусства.

Часто платные лекции устраивались в доме Стасовых. Родители Елены приглашали гостей «на чашку чая». Пригласительные билеты оплачивались.

Одну из таких лекций читал знаменитый профессор политической экономии Туган-Барановский, автор многих книг.

И на эту-то лекцию как раз нагрянула полиция. Всех задержали, переписали. В числе посетителей была и известная либеральная меценатка графиня Панина.

Панина — родственница крупного сановника князя Вяземского. Тот поднял шум: как, мою двоюродную сестру, графиню, смели переписать?..

— И что же, на другой день петербургский градоначальник принес моему отцу свои извинения.., — вспоминала Елена Дмитриевна.

Да, всякое бывало.

Одна из лекций была на квартире известного общественного деятеля О. О. Грузенберга. На ней А. М. Горький впервые читал своего «Человека».

Он стоял высокий, худой, нескладный, немного угрюмый. В те суровые и жестокие дни он говорил о Человеке с большой буквы. Он верил в него. И как же он ненавидел мещанина!

«...В тяжелые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ Человека...

Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной Мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит...»

Не все тогда поняли и приняли это замечательное стихотворение в прозе. А дядя Елены, восьмидесятилетний Владимир Васильевич Стасов был потрясен «Человеком» до глубины души.

С Алексеем Максимовичем Елена познакомилась еще в конце XIX века, она бывала у него и в издательстве «Знание» и на его петербургской квартире. Она разделяла чувства своего дяди к Горькому. Она всегда восхищалась им и верила в его силу.

В те суровые годы Елена Дмитриевна часто думала — какие черты должен воспитывать в себе партий-

ный работник-ленинец в нелегальное время. Она создавала для себя своеобразный моральный кодекс подпольщика.

Здесь мало было одной веры в грядущую победу коммунизма и непреклонной преданности партии.

Здесь нужно выработать в себе и гораздо более практические качества. **Точность.** Чтобы не подвести товарища, чтобы не опоздать никуда — на явку, на свиданье, на маевку — ни на минуту. **Наблюдательность.** Чтобы уметь заметить все, до мельчайшей детали, а самой уйти незамеченной. **Воля.** Умение владеть собой в любую минуту, при любых потрясениях. Умение владеть своим лицом, на допросе, когда оно ярко освещается неумолимым, слепящим светом прожектора. Умение не сказать ни одного лишнего слова. **Бдительность.** Всегда ощущать тысячи вражеских глаз. Глаз шпиков и филеров. Умение мгновенно принять решение. Суметь «переиграть» шпиков и полицию.

Ответственность. За каждый свой шаг. За каждое движение. За сотни людей, которые стоят за тобой, равняются на тебя, верят тебе.

Непреклонная суровость к врагам. Доверие и чуткость к друзьям, к соратникам. Чувство локтя.

Замечательное письмо получила Елена Дмитриевна в дни своего шестидесятилетия от Вячеслава Рудольфовича Менжинского:

«Мало осталось товарищей, которые своими глазами видели начало твоей подпольной работы в Питере 90-х — 900-х годов, а я работал под твоим началом около 4-х лет, видел твои первые шаги в качестве партийного руководителя и могу смело сказать, что до сих пор не встречал работников, которые, вступивши на поле подпольной деятельности, сразу оказались такими великими конспираторами и организаторами — совершенно зрелыми, умелыми и беспровальными.

Твой принцип — работать без провалов, беспощад-

но относясь ко всем растяпам, оказался жизненным и после Октября, даже в деятельности такого учреждения, как ВЧК — ОГПУ. Если мы имели большие конспиративные успехи, то и твоего тут капля меду есть — подпольную выучку, полученную в твоей школе, я применял, насколько умел, к нашей чекистской работе».

В 1903 году на II съезд партии кандидатом от Петербургского комитета единогласно была выдвинута Е. Д. Стасова. Но отпустить ее на съезд оказалось невозможно. В ее руках была вся техника, связи, адреса, квартиры. Заменить ее было некем.

Основной итог II съезда РСДРП — создание в России революционной марксистской партии, партии большевиков. После долгой борьбы с оппортунистами съезд принял программу, которая определила последовательную марксистскую линию в борьбе за глубокие политические преобразования в стране.

Решающую роль в борьбе за партию сыграл Владимир Ильич Ленин. Знакомясь с материалами съезда, Елена Стасова высоко оценила эту роль. Путь Ленина, путь большевиков — это был тот путь, на который она стала без сомнений и колебаний.

К концу 1903 года атмосфера в Петербурге стала еще более грозовой. Тучи сгустились, участились аресты. Работа Петербургского комитета усложнилась. Жандармское кольцо вокруг Елены Дмитриевны все сужилось. Со дня на день грозил ей арест.

Чтоб замести следы, сложным конспиративным путем Стасова выехала в Киев, где ее ждал член ЦК — Глеб Максимилианович Кржижановский. Из Киева — в Минск. Из Минска — в Орел. Пришлось изменить внешность, перекрасить волосы и брови, налепить на щеки модные, кокетливые мушки.

Вместо девушки Елены Дмитриевны Стасовой в Орел приехала вдова Елизавета Павловна Беклемише-

ва. Под этим именем прописалась и жила она в Орле, а потом и в Москве.

И беспрерывно — партийная работа. Связи. Явки. Листовки. Выезды в Смоленск, Минск, Вильно. В Минске вновь восстановлена переписка с Крупской и с Лениным.

Весна 1904 года. Москва. Партия оказывает Стасовой высокое доверие. Она становится секретарем Русского бюро ЦК. Первая встреча с будущим другом и соратником, замечательным человеком и борцом Николаем Эрнестовичем Бауманом.

Провокатор выдает руководителей организации, Бауман арестован. Стасова снова изменяет внешность, одежду, прическу. Она принимает всяческие меры предосторожности, уезжает в Нижний Новгород.

Но шпики уже настигают ее. И вот первый арест. Нижегородская тюрьма. Потом московская «Таганка».

Новое испытание. Как держать себя на допросе? Что известно полиции? Как помочь арестованным друзьям, сопроцессникам? Долгое время она выдает себя за вдову Беклемишеву. Потом выясняется, что ее настоящее имя известно. Допросы ведутся сразу по двум делам, московскому и петербургскому.

Елена Дмитриевна сохраняет всю силу воли и выдержку. Она даже острит на допросах, требует дать ей две камеры — одну «московскую», другую «петербургскую».

Она старается всеми силами выгородить друзей и не дает никаких показаний на допросах. Она принимает участие в одиннадцатидневной голодовке заключенных. Она и в тюрьме ухитряется вести большую организационную работу, дает явки товарищам, которых отпускают или ссылают.

Конечно, у нее нет в кармане записной книжки с адресами. Но книжка не нужна ей. «Моя записная книжка, — усмехается Стасова, — у меня над надбровными

дугами, т. е. в памяти».

Она помнит абсолютно все и абсолютно точно. Недаром партийная кличка ее: «Абсолют».

После голодовки отец Елены вносит денежный залог, и ее освобождают до суда.

Перед выходом из тюрьмы товарищи поручили Елене Дмитриевне просить Ленина написать брошюру о том, как держать себя на допросах и на суде, в разной обстановке.

Владимир Ильич немедленно откликнулся. Он прислал Стасовой письмо, известное в истории партии, как «Письмо к Абсолюту». («Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме»).

Ленин подробно освещал все особенности тактики большевиков на суде. Он дифференцировал характер поведения в зависимости от характера суда. Когда отрицать и бойкотировать суд. Когда не принимать участия в следствии. А когда использовать суд, свое заключительное слово, как агитационное средство.

Владимир Ильич подробно писал о роли адвокатов. Предостерегал от чрезмерного доверия к ним. «Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемякинские стороны суда...»

Ленин резко высмеивал адвокатов «примиренцев», гнилых либералов.

«...Убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей. Конечно, все это можно изложить адвокату не по-собакевичевски, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно...»

Письмо Ленина к Е. Д. Стасовой имело огромное

значение и помогло сотням революционеров при решении принципиального вопроса о поведении на следствии и на суде.

Особенно тронула Елену Дмитриевну дружеская, теплая, заботливая приписка к письму:

«Большой, большой привет Курцу, Рубену [1], Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем... Желаю здоровья и бодрости!! Мы еще увидимся, наверное, и повоюем при лучших условиях...»

Выпущенная из тюрьмы под залог Елена Дмитриевна вернулась в Петербург... и на другой же день приступила к своей обычной опасной и трудной работе секретаря Петербургского комитета партии, приняв все дела от Розалии Самойловны Землячки.

Как-то вечером отец, очень постаревший и одряхлевший, сказал ей:

— Ты нас с мамой совсем не любишь, опять принялась за свои дела...

— Я люблю вас, но не могу отказаться от своих убеждений. И этому ты сам меня учил.

Отец ничего не ответил. Работать приходилось день и ночь. Наступили бурные предреволюционные дни 1905 года.

ШВЕЙЦАРИЯ. ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Встреча с Владимиром Ильичем состоялась в сентябре 1905 года.

Центральный Комитет партии дал Елене Дмитриевне

[1] Известные партийные работники «Курц» (Ф. В. Ленгник), «Рубен» (Б. М. Кнунянц) и Н. Э. Бауман были арестованы по тому же делу Северного бюро ЦК, что и Е. Д. Стасова, и находились в заключении в Таганской тюрьме.

новое ответственное задание. Ей поручили руководить всей «техникой» ЦК за границей.

И, конечно же, приехав в Женеву, Стасова прежде всего пошла к «Ильичам», на квартиру, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и мать ее Елизавета Васильевна.

Можно себе представить, с каким душевным трепетом ожидала этой встречи Елена Дмитриевна, с каким волнением нажимала кнопку электрического звонка.

И вот быстрые шаги за дверью. Дверь открывается — и на пороге Ленин.

Он оказался в квартире один. Широкой радушной улыбкой приветствовал он гостью. Со свойственной ему живостью, тут же, чуть ли не на самом пороге, закидал ее вопросами. Потом потащил в общую комнату, которая была одновременно и столовой и кухней. Скромная, почти аскетическая обстановка. Букетик красных гвоздик на буфете. Если бы Ильич знал, как растрогал ее этот букетик... А может быть он заметил, как взволнованно посмотрела она на гвоздики?

— Что творится в России, в Петербурге, в Центральном и Петербургском комитетах, как настроение товарищей на воле и в тюрьме?

Как раз весной и летом 1905 года происходили съезды врачей, учителей, адвокатов, инженеров. Они создали союзы, образовавшие «Союз союзов». Россия бурлила. Елена Дмитриевна сама принимала активное участие в учительском съезде. И на съездах и в союзах происходила ожесточенная борьба большевиков с либералами. Было о чем рассказать Ильичу. Он слушал внимательно, покачивал головой, улыбался, вскакивал со стула и ходил по комнате.

И Елене Дмитриевне было так радостно. Ей и не мечталось в холодной одиночной камере «Таганки», что она так вот скоро увидит эту светлую улыбку Ильича,

услышит его родной голос, его искренний, заразительный смех.

Вдруг Ильич застыл на месте, поднял руку:
«Подождите...»

Что-нибудь не так сказала, — встревоженно подумала молодая женщина, — напутала?

А Ленин безмолвно подошел к буфету, вынул из него большой чайник, так же молча, не оборачиваясь к гостье, налил воду, зажег газовую плиту, накрыл на стол.

А потом вернулся к смущенной Елене Дмитриевне, совсем по-мальчишески подмигнул ей и сказал:

— Ну, теперь продолжайте!..

Манера слушать и расспрашивать у Владимира Ильича была особенная. Задавал именно те вопросы, какие его интересовали в первую очередь.

Совсем незаметно для себя Елена Дмитриевна за чаем сделала обстоятельный доклад об основных событиях, происходивших в России, рассказала с интересными деталями, живыми подробностями: не как наблюдатель, а как участник.

— Очень, очень, очень интересно, — сказал, довольно потирая руки, Владимир Ильич. — Знаете что, вы должны сделать доклад обо всем этом нашей здешней русской колонии.

Стасова в испуге замахала руками.

— Что вы, что вы, Владимир Ильич! Да я же никогда докладов не делала...

Владимир Ильич весело рассмеялся.

И он настоял на своем. Он помог Елене Дмитриевне подготовить доклад. Несколько раз просмотрел план доклада. Двумя-тремя указаниями поправил его недостатки, отредактировал тезисы.

На собрании, где выступала Стасова, Ленин сам председательствовал. Во время доклада она иногда, точ-

но за помощью, оборачивалась к президиуму. Ильич ободряюще качал головой, делал незаметный жест рукой: все, мол, в порядке, продолжайте...

После собрания Ленин крепко пожал руку докладчице и не то пошутил, не то совсем всерьез сказал:

— А вы, оказывается, можете делать доклады лучше, чем Аксельрод-Ортодокс.

Вскоре на собрании русских социал-демократов Стасова впервые услышала Ленина как оратора. Он выступал с рефератом о политических событиях в России.

Говорил Владимир Ильич очень просто. Не любил стоять за кафедрой. Похаживал взад и вперед. Иногда закладывал большие пальцы рук за проймы жилета, иногда решительно выбрасывал вперед правую руку с вытянутым указательным пальцем.

Он не любил красивых и пышных фраз. Он будто разговаривал со своими собеседниками, убеждая каждого своей железной, неопровержимой логикой. Он находил свой путь к сознанию и к сердцу каждого слушателя.

На докладе присутствовали не только большевики, но и меньшевики и эсеры. Однако во время всей речи Ильича не было ни одной реплики, никаких возгласов. Все были покорены убедительностью ленинских слов.

И только на другой день меньшевики, опомнившись, стали яростно оспаривать ленинские выводы.

Сколько встреч с Ильичем состоялось у Стасовой в те дни в Женеве!.. Официальных и дружеских. Нет, официальных — это не то слово. Деловых. Даже деловые встречи были всегда теплыми и дружескими.

Но из всех встреч одна глубоко запала в сердце Елены Дмитриевны, человека мужественного и далеко не сентиментального.

Однажды, рано утром, Владимир Ильич пришел в

пансион, где жила Стасова. Он был очень сосредоточен, молчалив и как-то необычайно грустен.

Ильич стал расспрашивать о близких друзьях, с которыми она работала и вместе сидела в Таганской тюрьме, о Николае Эрнестовиче Баумане, к которому относился с большим уважением.

Елена Дмитриевна вспоминала всякие детали. Николай Бауман был одним из дорогих друзей и самых близких соратников. Они ухитрялись переписываться даже в условиях строгой тюремной изоляции. Был у них своеобразный «телефон». Веревочка, на конце которой висел мешочек с песком. В мешочек вкладывалась записка. Стасова высовывала руку из своего окошка, через решетку. Товарищ, сидевший сверху или сбоку, бросал ей мешочек с запиской. А она, в свою очередь, другому товарищу. Бауман сидел за углом в изоляторе. Но все же «телефон» доходил и до него. Так передавались даже материалы для нелегально выходившей в тюрьме рукописной газеты, в которой была помещена и статья о работе Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

Рассказывая, Стасова оживилась. Приятно было вспомнить о друзьях, о том, как обманывали бдительность тюремщиков.

В обычное время всегда живо реагирующий на подобные рассказы Владимир Ильич посмеялся бы вместе с ней над одураченными жандармами. Но на этот раз лицо его было невозмутимо и даже скорбно.

Уже предчувствуя какое-то несчастье, Елена Дмитриевна рассказала, как безрезультатно друзья хлопотали об освобождении Баумана под залог. Она даже почувствовала себя в эти минуты виноватой, что она вот на свободе, в Женеве, разговаривает с Ильичем, а Бауман еще за решеткой.

Внезапно Ленин глубоко вздохнул, посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Его удалось освободить. Он выступал на митинге... а потом... был убит черносотенцами...

Елена Дмитриевна окаменела. Владимир Ильич не говорил ей обычных успокаивающих слов. Он рассказал о том, как московские рабочие хоронили Баумана, какая это была внушительная и грозная демонстрация. Он вынул из кармана и передал Стасовой английскую газету «Обсервер», где об этом было подробно напечатано.

Ленин не хотел, чтоб о смерти друга Стасова узнала прямо из газет. Никому из друзей он не доверил этого трудного и скорбного разговора. Он оставил все свои дела и пришел сам к Елене Дмитриевне, как соратник в радости и в горе, как добрый и чуткий товарищ.

Революция в России приобретала все больший размах. Ленин рвался на родину. Он страстно мечтал о том времени, когда сможет говорить не из «постылой эмигрантской «заграницы», «не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

В октябре 1905 года Владимир Ильич уехал из Женевы в Россию.

Е. Д. Стасовой было предложено задержаться для завершения всех дел по эвакуации партийного хозяйства. Владимир Ильич сказал: «Ну, остальные, пожалуй, уедут, а если мы оставим Варвару Петровну (тогдашняя партийная кличка Стасовой в Женеве. — *А. И.*), то она доведет дело до конца».

И опять напряженная, будничная, неустанная работа. На ее руках финансы, типография, библиотека.

Надо отправить архив партии в Стокгольм.

Надо организовать выпуск произведений Максима Горького, дающий партии немалые средства. В группу, ведающую издательскими делами вместе с И. П. Ладыжниковым, входит и Е. Д. Стасова.

Надо доставить в Берлин из Женевы все редакционные материалы и переписку. А Ленин уже в Петербурге. Туда перемещается весь центр партийной работы.

Значит и она должна быть там, на своем боевом посту.

В январе 1906 года Елена Дмитриевна Стасова возвращается в Петербург и снова приступает к работе в качестве секретаря Петербургского комитета.

ФИНЛЯНДИЯ. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Близился IV (объединительный) Стокгольмский съезд РСДРП. Стасова получает задание наладить в Финляндии организацию съезда и переправку делегатов в Стокгольм.

Но в Финляндии имеются еще и другие немаловажные дела.

Мирной интеллигентке, учительнице в строгой белой блузке с галстуком и пенсне с черным шнурочком, не умеющей отличить браунинг от смит-вессона, поручается также получение оружия, приобретенного для готовящихся восстаний, оружия, поступающего через сухопутную границу (Торнео — Хапаранда) и через морскую (Або, Ганге, Ваза — Стокгольм).

Часть оружия идет из Бельгии. Необходимо съездить и в Брюссель, добиться при помощи Камиля Гюисманса, лидера бельгийских социалистов, чтобы фирма не жульничала, чтобы оружие было доброкачественное.

В Гельсингфорсе партийные товарищи («боевики» — латыши) по заданию ЦК организовали экспроприацию русского Государственного банка. О событии этом, конечно, узнали и в Петербурге. Сотни шпионов, охранников, жандармов наводнили Гельсингфорс. Однако арестовать никого из участников операции не удалось.

Необходимо было в условиях строжайшей конспира-

ции переправить значительные суммы в столицу, в партийную кассу.

Кому же поручить это опасное дело, как не Стасовой?

Она встречается с боевиками в Гельсингфорсе. Она лично доставляет в Петербург, искусно спрятав, десять тысяч рублей золотом. Остальные деньги были отправлены за границу — в Германию и Швецию для закупки оружия.

За латышами началась слежка. Надо было надежно их спрятать. Особенно выделялся среди них руководитель экспроприации Бобис — старый революционер-подпольщик, бежавший из рижского застенка. Волосы Бобиса были весьма приметного ярко-рыжего цвета. Его надо было перекрасить. И это дело было тоже поручено Стасовой. — Здесь я переусердствовала, — с улыбкой вспоминала Елена Дмитриевна, — достала какую-то непроверенную жидкость, облила ему голову — и... ахнула: волосы стали зеленого цвета! Бросились отмывать... Зеленеют все больше. С огромным трудом превратили его в конце концов в брюнета...

Необходимо было тут же вернуться из Петербурга в Гельсингфорс. Уже съезжаются делегаты съезда со всех концов России. В Петербурге их принимает Надежда Константиновна Крупская, в Гельсингфорсе — Елена Дмитриевна Стасова.

Напряженные дни и бессонные ночи работы в период съезда... И опять переправка делегатов из Швеции в Россию.

Возвращение в Петербург. Кампания по выборам в I Государственную думу. После IV съезда Петербургский комитет РСДРП объединили. Секретарь Комитета от большевиков — Елена Стасова. От меньшевиков — Раиса Карфункель.

Ленин разоблачает оппортунистическую линию мень-

шевиков, их отречение от революции. Большевики ведут агитацию за бойкот виттевской Думы. Ожесточенные споры с меньшевиками.

Докладчиков на многочисленные собрания распределяет Стасова. В числе докладчиков — Владимир Ильич Ленин, живущий в Питере нелегально, по чужому паспорту.

С абсолютной точностью он приходит на явки по вызову Стасовой, безотказно принимает поручения, после выступлений опять приходит на явку, сообщает, сколько человек присутствовало на собрании, какие вопросы были заданы, какие недостатки он заметил в организации собрания, где выступал.

Он читает лекции пропагандистам, посещает конспиративные кружки путиловских рабочих, выступает за бойкот Думы, против меньшевистской тактики на собраниях рабочих, интеллигенции, студентов, приказчиков.

Девятого мая проводится трехтысячный митинг в Народном доме Паниной. Большинство собравшихся — рабочие. Выступают лидеры кадетов и меньшевиков. Последнее слово предоставляется неизвестному оратору — Карпову.

Он молча стоит на трибуне, взволнованный. И вдруг зал взрывается громом рукоплесканий. Рабочие узнают оратора. Это — Ленин.

Противники разбиты. Собрание единогласно принимает предложенную Лениным резолюцию. Участники митинга выходят на улицу с красными флагами и революционными песнями.

Елена Дмитриевна была на этом митинге. Она стояла рядом с Надеждой Константиновной. Кажется, никогда она не испытывала такого волнения, как в ту минуту, когда «ее» оратор Карпов поднялся на трибуну. Она сжала руку Надежды Константиновны. Они хорошо понимали друг друга.

А потом, как и всегда, Владимир Ильич дисциплинированно явился в Петербургский комитет с отчетом об этом собрании, которое глубоко взбудоражило и его, испытанного оратора и бойца.

Раиса Карфункель с завистью говорила Елене Дмитриевне:

«Какая ты счастливая, что у тебя есть такой оратор, как Владимир Ильич. У меня такого оратора нет...»

ДАЧА «ВАЗА». ЛИТОВСКИЙ ЗАМОК. ПРАЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. ТИФЛИС. ПИСЬМО БУРЕНИНУ

Летом 1906 года Владимир Ильич жил в Куоккале на даче «Ваза», занимаемой большевиком Лейтейзеном и его семьей.

Уединенная дача, расположенная на опушке густого леса, была очень удобна для конспирации. Впрочем, Ленин нередко нелегально выезжал в Петербург для непосредственного руководства Петербургским и Центральным комитетами партии.

Жизнь на даче «Ваза» постоянно кипела. Проходили всякие партийные совещания, приезжали многие партийные работники. Здесь Елена Дмитриевна встретилась с легендарным Камо, с М. Н. Лядовым, Л. Б. Красиным, Е. М. Ярославским, В. В. Воровским, В. Д. Бонч-Бруевичем, с рабочими делегатами из Нижнего, из Иванова, с Путиловского и Сестрорецкого заводов.

Как всегда немногословная и скромная, Стасова почти не выступала на совещаниях. Она докладывала Ильичу о делах, получала новые указания и уезжала в Петербург, на переднюю линию борьбы.

Здесь, в Петербурге, она была снова арестована и заключена в тюрьму Литовского замка. И в тюрьме она соблюдала строгий режим дня, много читала, конспек-

тировала, проводила беседы с заключенными партийцами.

Питание в тюрьме было весьма ограниченное, и родители присылали Елене Дмитриевне передачи.

— Когда в камеру попадал большой горшок с гречневой кашей, укутанный в меховой мешок, — рассказывала нам впоследствии совсем молодая тогда соратница и «сокамерница» Стасовой — Евгения Марковна Соловей — это был общий праздник. Вся камера собиралась вокруг горшка, водруженного на тюремный стол.

А Елена Дмитриевна, лукаво поблескивая глазами из-под пенсне, восседала во главе стола как хозяйка салона...

Высылка из Петербурга. Возвращение (после долгих хлопот отца). И снова Петербургский комитет. Снова напряженная конспиративная, будничная работа. Постоянные скитания, тюрьмы, бессонные ночи не могли не сказаться на здоровье молодой женщины. Елена Дмитриевна заболела туберкулезом. Врачи отправили ее в Тифлис, в Абастуман. Лечилась и учительствовала. Однако она не могла остаться в стороне от партийного дела и включилась в нелегальную работу Тифлисской организации, выступала агитатором и пропагандистом в рабочих кружках.

Здесь состоялась встреча с новыми замечательными людьми, с настоящими ленинцами, убежденными, горячими, страстными, с Серго Орджоникидзе и Суреном Спандаряном.

Вместе с ними вела Елена Дмитриевна работу по подготовке знаменитой Пражской конференции партии.

Оргкомиссия часто собиралась на квартире Стасовой. В далекий Тифлис долетали слова Ленина. Из маленькой заваленной книгами комнаты открывалось окно в огромный, предгрозовой мир.

Из Тифлиса Стасова вела большую переписку со всеми друзьями-соратниками.

Характерно письмо ее к Николаю Буренину, отданному под суд за революционную деятельность:

«Мне ясно было до мелочей, что Вы должны пережить, идя на суд, и то, что Вы так к этому относились, наполнило мою душу гордостью. Ведь я чувствую всегда по отношению к Вам то, что всякий воспитатель ощущает по отношению к своему любимому ученику. И я горжусь, что мой любимый ученик — товарищ с такой сильной душой, бодрый и жизнеспособный. Горжусь Вами, как своим трудом...»

В состав ЦК партии, избранного на Пражской конференции, вошли В. И. Ленин, Ф. И. Голощекин, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян и другие. ЦК кооптировал в свой состав И. С. Белостоцкого и И. В. Сталина, а позднее Г. И. Петровского и Я. М. Свердлова, кандидатами в члены ЦК (в случае ареста кого-либо из членов ЦК) были избраны А. С. Бубнов, М. И. Калинин, С. Г. Шаумян, Е. Д. Стасова.

Пражская конференция подвела итог длительной борьбе большевиков против меньшевиков, завершила восстановление в России истинно марксистской партии.

«Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи, — писал Ленин Горькому, — возродить партию...»

Огромная работа предстояла Русскому бюро ЦК, в который вошла и Елена Стасова.

Вернувшийся из Праги в Тифлис Сурен Спандарян сразу же навестил свою боевую соратницу и, тонко улыбаясь, сообщил ей:

«Я вам удружил — вас выбрали кандидатом в ЦК и назначили секретарем Русского бюро ЦК...»

Теперь уж трудно было оставаться в Тифлисе. Ждала новая, большая и трудная работа. Ждал Питер.

Забыв о своей болезни, как всегда энергичная, деятельная, собранная, спокойная, очень точная во всех своих планах и действиях, Стасова объезжает всю страну.

Сегодня Баку, завтра Ростов, послезавтра Москва. На пути в Питер предстоят сотни встреч. Надо рассказать друзьям о решениях Пражской конференции, ознакомиться с делами на местах, установить связи, подбодрить усталых, поспорить с сомневающимися, помочь добрым советом.

Опытный конспиратор, Стасова все время ускользает от шпиков и жандармов.

Однако ее уже «ждут» в Петербурге.

Новый арест. Высылка в Тифлис. И опять долгие дни и месяцы тюрьмы. И опять книги, тетради... Попытки оформить опыт своей педагогической работы.

— Начальник тюрьмы некий Рынкевич, — вспоминала Елена Дмитриевна, — даже гордился тем, что у него в тюрьме сидит женщина, которая пишет учебник.

В тифлисской судебной палате дело называлось «Процесс Стасовой и других». Привлечены были и показания провокаторов, и найденная переписка с ЦК. Судьи ясно видели, что перед ними не слабая, больная женщина, а закаленный и испытанный революционный борец.

Голоса судей разделились. Основные судьи были за каторгу. Сословные представители — за поселение. Решил голос председателя, знавшего отца Елены Дмитриевны, как известного всей стране юриста.

— У такого благородного отца, — сказал он, — такая мерзавка дочь! Дадим ей поселение...

Однако, как узнала впоследствии Стасова, один из наиболее ретивых судей настаивал на каторге и даже написал протест.

— Адвокаты шутили, — улыбаясь рассказывала Елена Дмитриевна, — будто я ему в юности отказала на каком-нибудь балу в кадрили или в мазурке.

Так начинается долгий путь по этапу из Тифлиса в Сибирь.

ЭТАП. СИБИРСКАЯ ССЫЛКА. ПЕРЕПИСКА С ГОРЬКИМ. ВОЙНА

Этап... Арестантский халат и тулуп. Тяжелый мучительный этап в тесном переполненном «столыпинском» вагоне, под неусыпным надзором конвоиров, пытающихся сэкономить в свою пользу копейки на сокращении пайка ссыльным.

Но и здесь, в этих нечеловеческих условиях, Стасова остается верной себе. Она защищает товарищей по этапу, борется за их права, спорит с жандармами.

Один из спутников, ехавших до Самары в другом вагоне, рассказывал:

— К нам в вагон пришел ваш конвоир и сказал нашему старшему: «Ну и бабу же я конвоирую: она все законы знает и прямо так и сыплет, так и сыплет: параграф такой-то, пункт такой-то!..»

Тифлис. Баку. Ростов. Козлов. Ряжск. Самара. Челябинск. Красноярск. Страшная Красноярская пересыльная тюрьма, переполненная бандитами, кишащая насекомыми.

Однако Елена Дмитриевна никогда не теряет присутствия духа.

Из Канска путь на санях. Пункт назначения — село Рыбное. Этапный пункт на знаменитой «Владимирке». Здесь проходили когда-то декабристы... Здесь проезжала в своем возке княгиня Волконская.

Старое село, затерянное средь сибирских снегов.

Что делать? Бежать? Куда? За границей людей достаточно. Вряд ли она нужна там. Она ведь не теоретик, а практический работник. Свой жизненный путь Стасова всегда прежде всего связывала с партией. Где она сейчас нужна партии, на каком посту? Бежать в Россию? Опять не исключен провал. И на этот раз — каторга.

А здесь в ссылке? Вокруг Рыбного другие села. Сотни товарищей. Не все крепки духом. Жизнь тяжела и нелегко выдержать испытания. Надо помочь им, надо наладить связи, надо поддержать, сохранить их для революции, которая уже не за горами. А там, кто знает — может удастся создать подполье... Типография... Листовки...

Она уже опять видела себя за обычной работой. Она мечтала. Но мечта у Елены Стасовой была всегда связана с действием.

Она возобновляет свою педагогическую деятельность. Состав учеников необычайно пестр. Заведующий почтовым отделением, изучающий немецкий язык, чтобы получить более высокий разряд. Поповна, готовящаяся в четвертый класс гимназии. Дочь урядника, сын квартирохозяйки, приглашающий для развлечения свою учительницу в 47-градусный мороз кататься в санях на рысаке.

Она развивает неуемную общественную деятельность.

Организация денежной помощи ссыльным. Письма в Россию и за границу. Подписи: «Группа ссыльных одной из волостей Канского уезда...»

Создание профсоюзного кружка и под прикрытием профсоюза — нелегальной партийной базы. Партийная школа. Школа, получающая даже большевистскую газету и журнал «Просвещение»! Связи со многими селами Енисейской, Иркутской, Томской губерний. Организация в тайге маевок с докладами и пением революционных песен...

Работа. Работа. Работа... И ощущение своей нужности партии, товарищам, близким людям. Никогда не падать духом, не складывать руки, всегда глядеть вперед.

Но и здесь нашелся провокатор. А может быть, не

здесь, а «наверху». Ведь она писала о деятельности группы ссыльных в Москву — Малиновскому.

Снова арест... Снова этап. Снова зловещая Красноярская пересыльная тюрьма. Именно здесь, в тюремной камере узнает Стасова о том, что началась война с немцами, даже сюда доходят слухи о ленинских тезисах: война — войне.

Кое-что еще туманно, неясно. Обо всем этом надо подумать.

И вот этап. Путешествие по Енисею... В трюме только сквозь крохотный иллюминатор виднелись поросшие лесом берега могучей реки. Минусинск. Знаменитое село Шушенское, где жил семнадцать лет назад Владимир Ильич, где он писал о задачах русских социал-демократов, где закончил классический свой труд «Развитие капитализма в России», вынашивал свои планы создания истинно марксистской партии в России...

Владимир Ильич! Где он сейчас, в этот день, в эту минуту? Опять глядит вперед, в будущее. Решает сложнейшие вопросы борьбы, вопросы войны и мира. Освещает прожектором путь человечества. Как бы ей нужно было сейчас встретиться с ним, поговорить, посоветоваться. Она верит ему, беспрекословно верит. Война — войне...

А потом далекое село Бея. Одиночество. Более тяжелое одиночество, чем в Таганской тюрьме или Литовском замке.

Но и здесь она взламывает это одиночество. Опять налаживаются связи с Минусинском. И особенно теплое, особенно радостное письмо из Туруханска, от Якова Михайловича Свердлова.

И вот она уже в городе Ачинске. И снова бросается в море знакомой, привычной, повседневной работы. В Ачинске много военнопленных. Надо вести работу и среди них. Она ведь знает языки. Вот где, оказывается, это

пригодилось — в Ачинске. Можно писать листовки на немецком языке. Война — войне! Вы слышите, Владимир Ильич, мы расскажем об этом немецким и австрийским солдатам. Ведь это очень важно.

Но переписка слишком велика. Она не может остаться незамеченной. И Стасову снова высылают из Ачинска — в село Курагино.

Что же, можно наладить связи и из Курагина. Можно посылать прокламации и отсюда. И составляются бюллетени о борьбе с милитаризмом. И идут они из села Курагина по Сибири и даже перелетают за Уральские горы, доходят до европейской России!

Ленинская линия. Война — войне!

Лето 1916 г. Крепнут связи с друзьями, со Спандаряном, Свердловым. Я. М. Свердлов присылает Стасовой заграничную газету «Социал-демократ», книги. В одной из книг — засушенная красная гвоздика. Откуда он достал там, в Туруханске, гвоздику? Она переписывает газету от руки, размножает материалы о женской конференции в Берне, об антивоенных конференциях в Циммервальде и Кинтале.

Яков Михайлович рассказывает и о личной жизни, о раздумьях своих над книгами Герцена и Огарева.

Как радует и вдохновляет каждый пакет, каждое письмо Якова Михайловича! Это как рукопожатие, как добрый взгляд верного, умного и чуткого друга.

Так вот они, находясь в разных селах, разделенные сотнями километров непролазных сибирских снегов, борются в общем строю, лицом к огню, плечом к плечу и локоть к локтю. Чувство локтя — какая это великая вещь...

Переписывалась Стасова и со старым другом Алексеем Максимовичем, рассказывала Горькому о сибирских делах, о работе, о думах своих, о любви к жизни, преодолевающей все испытания, побеждающей все злое, тупое и жестокое.

Она писала ему: «Очень много есть «независящих обстоятельств», которые постоянно суют палки в колеса. Но, конечно, это не мешает мне по-прежнему любить жизнь и, скажу словами Огарева (после писем Якова Михайловича она много раз перечитывала Огарева. — *А. И.*), так как они лучше всего передают мое настроение:

И все хочу. Чего? Всего со всею полнотою;
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу...»

Она просила Горького присылать так необходимые ей в глуши книги. Чтобы не отставать от новых веяний в науке, литературе, искусстве. («Курс политической экономии» Туган-Барановского последнее издание, «Современный капитализм» Зомбарта, «Международные конгрессы» с 1889 по 1904 г., «Кельнский процесс коммунистов» Маркса с предисловием Энгельса.)

Горький горячо откликался на просьбы Стасовой.

И ссыльные в Минусинском крае регулярно читали свежие выпуски журнала «Летопись».

Осенью 1916 года Е. Д. Стасова (это разрешалось в каком-то юридическом параграфе) уехала в «отпуск» к старикам-родителям в Петроград.

Вагоны третьего класса были переполнены солдатами-сибиряками, возвращавшимися на фронт из отпуска. Вместо положенных сорока человек в вагоне, где ехала Стасова, было 175. Елена Дмитриевна едва примостилась на краю скамейки. Трудно было проехать в таком положении семь суток.

Вскоре молодая женщина включилась в общую солдатскую беседу. Ее слушали, затаив дыхание. Ленинские мысли о войне находили доступ к каждому израненному солдатскому сердцу.

Эта ученая женщина в пенсне сразу расположила к себе фронтовиков.

И ночами, когда все укладывались спать, ей уступали верхнюю полку:

— Ну, мамаша, теперь твой черед, ложись спать...

Так и доехали до Петрограда.

НАКАНУНЕ. РУССКОЕ БЮРО ЦК. ЛЕНИН НА БРОНЕВИКЕ. ВСТРЕЧИ ВО ДВОРЦЕ КШЕСИНСКОЙ. ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПАРТИЙНЫХ ТРАДИЦИЙ

Опять Питер... Опять дни, заполненные до краев работой. Ни минуты отдыха. Нет времени даже сходить в консерваторию. Только изредка, поздними вечерами она слушает дома в исполнении престарелого отца любимых Бетховена, Чайковского, Шопена... Конечно, ни о каком возвращении Стасовой из «отпуска» в сибирскую ссылку не может быть и речи.

Страна бурлит. Канун революции. Русское бюро ЦК, непосредственно связанное с Лениным, руководит всей партийной работой в России. Ленин следит из Цюриха за каждым дуновением революционного ветра. Он мечтает о возвращении на родину. Он считает дни и часы...

Полиция все время наблюдает за Стасовой. В самый канун Февральской революции — новый обыск и арест.

В тюрьму днем и ночью доносятся звуки уличной стрельбы. Февральская революция. Трещит дверь женской камеры. Врываются взбудораженные люди.

Что это — провокация или освобождение? Кто эти люди — друзья или черносотенцы?

Как всегда, собранная, энергичная и спокойная Елена Дмитриевна становится впереди всех женщин, точно оберегая их от возможных бед и опасностей.

Нет, это не провокация. Это революция. Свобода!

Народ освобождает политических заключенных.

В тот же день Стасова включается в работу партийного комитета и Петроградского совета.

Начинают приезжать товарищи из тюрем и ссылок. Надо встречать их, надо «вводить» в жизнь. Кто же сумеет это сделать лучше, чем Елена Стасова.

Опять в ее руках сосредоточена вся партийная техника, литература, финансы, архивы, переписка, связи.

Другие выступают, говорят речи. Она не привыкла появляться на трибуне. Она, как всегда, в тени, скромно и неустанно занимается всеми делами партийного штаба.

В один из весенних, солнечных, мартовских дней рано утром — пронзительный звонок. Она уже сидит за столом, читает письма с фронта. Вскакивает. Прячет письма за раму портрета. Рефлекс. Полиция? Обыск?

На пороге Яков Михайлович Свердлов. Старый, добрый, сибирский друг.

Он обнимает ее. Глаза за стеклами очков блестят горячо и совсем влюбленно.

— Ну вот, — говорит он, смеясь, — ну вот... Вы приехали в Питер, совершили революцию и вызволили нас...

Впрочем, долго нет времени предаваться радостям встреч. А их предстоит еще немало. Да и Яков Михайлович недолго задерживается в Питере. Его командируют на Урал, в Екатеринбург. И возвратится он только к Апрельской конференции.

А дел до Апрельской конференции, как говорится, невпроворот.

Русское бюро ЦК собирается на квартире Стасовой. Бюро и актив. Не менее 25 человек. Здесь и Голощекин, и Стучка, и Залуцкий, и Сталин. Тесно. А это еще далеко не все... Еще едут. Из Сибири, из ссылок, из тюрем, из-за границы.

Ждут указаний Ильича, ждут его самого. Как он нужен сейчас здесь в освобожденном, весеннем Петрограде. Предстоят новые решения, новые бои.

В самом конце марта Военная организация занима-

ет дворец известной царской фаворитки, балерины Кшесинской.

ЦК получает комнаты на втором этаже, с роскошной ванной и балконом.

Ванная комната, из стен которой еще не выветрились тонкие ароматы парижских духов, моментально используется... под склад партийной литературы. Как бы посмеялся, увидев подобное, Владимир Ильич!

А Ленин уже в пути... 13 апреля Ленин и его товарищи выехали из Стокгольма и через два дня были на пограничной станции Торнео.

В ночь на 16 апреля (3-го по старому стилю) Ленин пересек шведско-финляндскую границу. А через несколько часов поезд тронулся в Петроград.

Всю ночь напролет Ленин рассказывает солдатам, набившимся в вагон, о свободе, о земле, о том, как покончить с войной. Он расспрашивает солдат об их жизни и чаяниях. И сам отвечает на бесчисленные вопросы.

Знаменитые «Апрельские тезисы» уже рождаются в голове, уже обретают плоть и кровь. Иногда он старается уединиться и делает наброски в своей записной книжке.

Вечером 16(3) апреля на станции Белоостров Ленин встретился с питерскими рабочими, обнялся с любимой сестрой Марией Ильиничной.

Рабочие подняли Ленина на руки, понесли его к зданию вокзала.

И вот она, эта историческая ночь с 16 на 17 апреля 1917 года.

Финляндский вокзал в Петрограде. На перроне — почетный караул моряков и солдат.

Вся площадь и улицы, прилегающие к вокзалу, наводнены тысячами рабочих и солдат. Слышится пение «Интернационала».

Кузнец завода «Новый Лесснер», секретарь Выборг-

ского райкома, Иван Чугурин, бывший слушатель школы Лонжюмо, вручает Владимиру Ильичу партийный билет № 600 большевистской организации Выборгской стороны.

Ленин на броневике.

Разве можно найти настоящие слова, чтобы описать это мгновение, эту первую, после долгого изгнания, историческую речь вождя революции на родной земле! Он приветствует рабочих и солдат, «сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»

Борьба продолжается.

«Да здравствует социалистическая революция!..»

Дворец Кшесинской... Наконец, Елена Дмитриевна, встречавшая Ленина еще на Финляндском вокзале, сумела пробиться к нему, пожать ему руку, встретить его улыбчивый взгляд.

Этот взгляд ощущала она и сквозь толстые стены тюрем, и сквозь густые туманы сибирских бескрайних просторов. Они не виделись годы. И кажется ей, что он не изменился. Он даже помолодел, родной Ильич. Она обнимает Надежду Константиновну и отходит в сторону. Ильичу сейчас не до сентиментов. Да она и не очень способна к ним.

Да, Ильичу сейчас не до лирических излияний и не до парадных торжественных речей.

— Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией, — говорит он. И как всегда, стремительно переключившись, произносит свою знаменитую речь. Это не впечатления, не переживания и не воспоминания. Это взгляд в будущее. Это — первый вариант «Апрельских тезисов», которые намечал Ильич еще в вагоне по пути в Петроград. Это — боевая программа. Это гениальный план борьбы за переход от бур-

жуазно-демократической революции к социалистической.

Никакой поддержки Временному правительству. Настоящее правительство — Совет рабочих депутатов.

«Апрельские тезисы» Ленина открыли перед партией новые горизонты. В основе Тезисов лежала ленинская теория социалистической революции и решающий вывод ее: возможность победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Против Тезисов единым строем ополчились и кадеты, и эсеры, и меньшевики, и внутрипартийные оппортунисты.

Ленин вел с ними решительную борьбу. Ленин гневно говорил о том, что зарубежные и русские меньшевики подло изменили социализму, загрязнили само название «социал-демократия». Он предложил отказаться от старого названия партии и назвать ее «Коммунистической».

С приездом Ленина вся работа петроградской организации небывало оживилась. Елена Дмитриевна попрежнему руководила аппаратом партии, неутомимо вела свою будничную, многостороннюю работу секретаря Центрального Комитета.

Как пишет Е. Д. Стасова в своих воспоминаниях, обязанности секретаря были разнообразны: «Он был: управделами, заведующим особым сектором, заведующим Секретариатом, помощником секретаря в современном понятии, заведующим кадрами и, наконец, просто техническим секретарем. Кроме перечисленных обязанностей, секретарь ЦК вел все шифровальное дело ЦК, переписку с местными организациями, прием приезжих работников и посетителей. Ведение протоколов Оргбюро и пленарных заседаний ЦК тоже находилось в его руках. Он был и своеобразным снабженцем. Разумеется, помимо этих организационно-партийных дел... приходилось вести и политическую работу».

Это была горячая, напряженная, незабываемая весна. На набережной Невы уже набухали почки тополей. Дул свежий ветер с залива. Приезжали из ссылки, с фронтов, со всех концов необъятной страны товарищи. Надо было принять и распределять литературу. Комнаты Секретариата во дворце Кшесинской напоминали бурлящий водоворот. Но в этом водовороте был свой центр. Высокая, всегда спокойная женщина, с горячими глазами, блестящими сквозь стекла старомодного пенсне, с первой сединой в волосах вносила порядок и точность в это кипящее море.

И Ленин, и все руководители партии знали, что на эту женщину можно целиком положиться, что ее слово — верное слово, что сложное хозяйство партии, ее тылы обеспечены.

Большой радостью для Елены Дмитриевны было возвращение с Урала Якова Михайловича Свердлова.

Неутомимый и вездесущий, он сразу взял в свои руки организационные дела партии.

Положение в стране все обострялось. Враги бешено травили Ленина. За ним «охотились». Ильич вынужден был покинуть свою квартиру (на Широкой улице), скрываться на квартирах друзей.

В конце июня Владимир Ильич жил у Стасовой. На Фурштадтской, дом 20, квартира 7 (ныне улица Петра Лаврова). Кстати, туда же был временно переправлен весь партийный архив. Елена Дмитриевна, опытная специалистка по делам подпольным, обеспечила Ленину полную конспирацию.

Однако сейчас это было труднее, чем когда-либо. Ильич выступал на заводах, получал сотни писем, на квартиру приходили соратники, члены Центрального Комитета получать инструкции, услышать ленинское слово, просто увидеть Ильича. Старые конспиративные законы нарушались.

Елена Дмитриевна стала чаще бывать дома, стара-

лась по возможности обеспечить Ленину какой-то домашний уют. Но Ильич сердился. Он не любил, чтобы за ним ухаживали, сам приготовлял себе постель, запрещал отдельно готовить диетическую пищу.

Он подробно расспрашивал Елену Дмитриевну о делах в Комитете, о людях, о встречах, о настроениях интеллигенции. А иногда в минуты отдыха переносился мыслью в далекое прошлое, вспоминал о прогулках в окрестностях Женевы, о Париже, о Шушенском.

Но они были очень коротки эти минуты отдыха. А вскоре доброжелательный домовый уполномоченный сообщил Стасовой, что шпики кружат около их дома, что кто-то донес...

Надо было немедленно принимать меры. Ильич перешел на другую «явку».

С 7 июля Владимир Ильич скрывался в квартире старого большевика Сергея Аллилуева.

7 июля было опубликовано постановление Временного правительства об аресте и привлечении к суду В. И. Ленина и других большевиков.

Правительственные газеты требовали явки Ленина на суд. Их поддерживали и некоторые оппортунисты внутри партии.

Вечером на квартире Аллилуева собрались на совещание ближайшие соратники. Обычно спокойная Надежда Константиновна еле сдерживала свое волнение. Елена Дмитриевна села рядом с ней, крепко сжала ее горячую руку, чутко, без лишних слов успокаивала ее.

Против явки Ленина на суд резко выступил старый испытанный друг Серго Орджоникидзе. И целиком согласной с ним Стасовой было радостно, что его точка зрения оказалась решающей.

Через несколько дней Ленин благополучно добрался до станции Разлив.

Отсюда, из Разлива, он руководил VI съездом пар-

тии, который избрал Ленина своим почетным председателем.

Съезд партии начал свою работу в конце июля в необычайно тревожной обстановке преследования и травли большевиков. Казалось, вернулись старые времена царизма.

Оставив свои бесконечные «прозаические» дела, Стасова пришла на заседание съезда. Как и в былые времена, она шла на Сампсониевский проспект, осторожно петляя, используя проходные дворы, следя, чтобы за ней не было никаких «хвостов»... Она уже предвкушала радость встречи с близкими друзьями, соратниками. На каждую партийную конференцию она приходила, как на праздник.

Председательствовал Михаил Степанович Ольминский. Заметив Стасову, он как-то (или ей это показалось?) нахмурил брови, снял очки, протер их, снова недружелюбно посмотрел на нее. В перерыве Ольминский подошел к Елене Дмитриевне.

— Зачем вы сюда пришли? — спросил он недовольно.

— Как зачем, Михаил Степанович? Я пришла на съезд.

— А вы не знаете, что мы заседаем нелегально и что нас могут арестовать? У вас же все партийные связи в руках. Вы являетесь «хранителем традиций» партии и поэтому немедленно уходите.

Ей было горько и радостно... «Хранитель традиций!» Так еще никто не говорил ей... И это предъявляло новые требования, накладывало на нее новые обязательства. «Хранитель традиций». Какое огромное доверие было в этих словах. Она обязана с честью оправдать это доверие.

Она ушла со съезда. Пробиралась сложными переходами и думала о тех своих друзьях, которые были такими же «хранителями традиций». На протяжении многих

лет в ее руках были сосредоточены партийные связи. Долгие годы подполья она хранила в памяти огромное количество адресов, имен, явок. После провалов, после арестов большевистские организации быстро восстанавливались, потому что на свободе оставался кто-нибудь из таких «хранителей традиций», верных, беззаветно преданных партии солдат.

...Ее не было на заседании съезда, когда в предлагаемом списке членов и кандидатов Центрального Комитета было названо ее имя: Стасова Елена Дмитриевна.

Она была избрана заочно.

ПИСЬМА ЛЕНИНА. ОКТЯБРЬСКАЯ ПОБЕДА. Я. М. СВЕРДЛОВ. БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Осень 1917 года. Канун Октябрьской революции. Штаб партийной работы переносится в Смольный, откуда поддерживаются связи с Лениным. В центре всей партийной работы Яков Михайлович Свердлов. Он и Дзержинский навещают Ленина в Разливе.

Секретариат и архив ЦК все еще на Фурштадтской. В начале октября Елена Дмитриевна приходит в Смольный к Свердлову. Надо согласовать вопрос о переезде.

По коридорам Смольного текут бесконечные потоки людей. Еще не дойдя до Свердлова, Стасова уже включается в работу Смольного и целый день выполняет самые различные, неотложные дела.

Только поздно вечером она находит Якова Михайловича. Как всегда, они рады друг другу. Нет. Переезжать еще не стоит. Положение не установилось. Надо оставаться на Фурштадтской и... «хранить партийные традиции». (Слова Ольминского повторялись в среде руководителей ЦК.)

— В случае чего... (глаза Свердлова блеснули). — В случае чего — вы могли бы восстановить все связи.

Значит, надо координировать работу двух центров, Смольный и Фурштадтская. Решающие события назревают с каждым днем. Почта саботирует большевиков и не рассылает «Правду». Надо наладить свою экспедицию. Надо регулярно выпускать бюллетени, информирующие все партийные организации страны о событиях. Обобщать сведения, получаемые в Смольном от Свердлова, и материалы Секретариата.

Стасова — секретарь ЦК и Северного областного комитета партии, редактор и автор, и экспедитор бюллетеней. Бок о бок с ней В. Р. Менжинская, К. Т. Новгородцева (жена Свердлова), Г. К. Флаксерман, В. Л. Мехоношина.

Верный «хранитель партийных традиций» Елена Дмитриевна на своем трудном посту проявляет истинно ленинскую волю и выдержку.

В сентябре находящийся в подполье Ленин через Марию Ильиничну присылает в ЦК партии письма, имеющие необычайно важное значение для всей подготовки Октябрьского восстания («Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание»).

В этих широко известных сейчас письмах Ильич говорит о том, что большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки. «Большинство народа *за* нас». «Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства...

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: *«восстание есть искусство»* и т. д.».

«История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь».

Стасова чувствует, как волнуется Ильич, как нарастает напряжение к концу письма. Она чувствует, как бьется его сердце, она слышит его голос:

«Нет аппарата? — гневно полемизирует он с незри-

мыми противниками. — Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам — значит *победить*.

Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*.

Н. Ленин» [1]

Мария Ильинична принесла это письмо перепечатанным в десяти экземплярах и передала просьбу Владимира Ильича немедленно вручить письмо членам ЦК. Стасова знала, что это значит, когда Ильич просит передать *немедленно*.

Направляясь в Смольный, члены ЦК заходили в Секретариат.

Тут же вручалось им письмо Ленина.

...А потом пришла победа. Воплощалась в жизнь мечта, за которую боролись долгие годы целые поколения революционеров.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Смольном открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Победоносная революция была уже в разгаре. Съезд от имени всего трудового народа возвестил о победе революции, о переходе власти к Советам во всей стране. Съезд создал первое Советское правительство, которое возглавил Владимир Ильич Ленин, принял ленинские декреты о мире и земле.

Беломраморный зал Смольного, где проходил съезд, был переполнен. Со всей России, со всех армейских фронтов съехались делегаты.

Джон Рид впоследствии писал в своей известной книге «Десять дней, которые потрясли мир»:

«...Пространство между колоннами установлено ря-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр 241.

дами кресел, всего их около тысячи... Всюду вокруг: между колоннами, на подоконниках, на каждой ступеньке, ведущей на сцену, да и на краю самой сцены — публика, также состоящая из простых рабочих, простых крестьян, простых солдат. Кое-где в публике щетинятся штыки. Измученные красногвардейцы, опоясанные патронными лентами... Открытые и решительные лица, почерневшие в окопах от мороза, широко поставленные глаза, большие бороды, или иногда тонкие ястребиные лица кавказцев или азиатов из Туркестана, многие с редкими татарскими усами...»

Доклады о власти, о войне, о земле делал Ленин. Как всегда просто, убедительно и вдохновенно.

Глубокой ночью на съезд пришло известие о взятии Зимнего Дворца и аресте министров Временного правительства. Съезд восторженно аплодировал. В 5 часов утра было принято обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!» Его написал В. И. Ленин, а огласил А. В. Луначарский.

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки».

Основные положения программы Советской власти, изложенной в обращении, были четки и ясны: передача власти народу, немедленное предложение народам всех воюющих стран демократического мира, переход земли в руки крестьянства.

Съезд с огромным воодушевлением принял основные декреты о мире и о земле. Воплощались в жизнь ленинские замыслы, теоретические положения, над которыми сидел он долгими бессонными ночами и которые были уже хорошо известны его ближайшим соратникам, в том числе и Елене Дмитриевне Стасовой.

Наступили радостные, бурные, еще более напряженные дни.

В эти дни Стасова еще раз убеждается в том, какое счастье работать рядом с таким человеком, как Свердлов. Это настоящий ленинец, умеющий сочетать огромные знания, энергию, непреклонную волю, беспощадность к врагам и глубокую чуткость по отношению к каждому товарищу. Таким вот был и старый, незабываемый друг ее Николай Эрнестович Бауман.

Елена Дмитриевна никогда не считала себя «теоретиком», но никогда не голосовала «механически», не подымала руки до той минуты, пока решение не представлялось ей ясным и бесповоротным. И всегда оказывалось так, что она была вместе с Лениным и Свердловым.

Нет, впрочем, не всегда... Много тяжелых минут пережила она в связи с вопросом о Брестском мире. У нее никогда не было сомнений в правильности линии Ленина, но очень обидно было соглашаться на грабительские условия немцев. Ей казалось, что зарубежные социал-демократы не поймут нас, что принятие условий Брестского мира нанесет удар революционному движению за рубежом.

Она приходила к Ленину, к Свердлову — просила разбить ее сомнения, убедить ее. А голосовать, не будучи убежденной, она не могла. Не могла идти на компромиссы со своей совестью. И на заседании ЦК воздержалась. Какие это были тяжелые минуты. Может быть, самые тяжелые в ее честной и мужественной жизни...

Ей казалось, что Ильич осуждает ее, и она не могла смотреть в глаза Якову Михайловичу. И она опять долго, мучительно думала. И опять, сломив совсем несвойственное ей самолюбие, пришла к Свердлову.

К VII съезду партии у нее уже не было никаких сомнений, и Стасова искренне голосовала за ленинскую резолюцию.

В эти весенние дни 1918 года пережила Елена Дмитриевна и большое личное горе. Умер ее отец, с которым

она по-настоящему дружила, который помог ей полюбить искусство, музыку, которому была обязана столькими светлыми воспоминаниями юности.

В марте, после VII съезда партии правительство и ЦК переехали в Москву, но Стасова из-за болезни отца оставалась в Петрограде.

Дел у нее было немало и здесь, но после смерти отца она чувствовала себя как-то необычно одинокой. И вдруг — письмо из Москвы, от Якова Михайловича.

Он писал:

«Милая Елена Дмитриевна!

Хочется написать Вам несколько теплых слов. Я знаю, что тяжелую личную утрату вы пережили. Не склонен говорить слова утешения. Хочу лишь, чтобы Вы почувствовали, что не со всеми товарищами Вы связаны исключительно узами общности мировоззрения, дружной идейной работы. Скажу о себе. У меня очень теплое, дружеское к Вам отношение, совершенно независимое от наших партийных связей. И не я один ценю в Вас милого, отзывчивого друга-товарища. Не все личные связи порваны. И без кровного родства есть глубокое дружеское родство. Крепко целую.

Ваш Яков».

И Яков Михайлович, и жена его, Клавдия Тимофеевна, давно уже считают Стасову членом своей семьи, беспокоятся о ней, как о самом родном человеке. («Дорогая Клавдия Тимофеевна!.. Огромное Вам спасибо, как и Якову Михайловичу, за присылку шоколада и куртки, ибо первое весьма подбадривает при усталости, а вторая явилась как нельзя более кстати, так как у меня не было никакой одежки, кроме длинной кофты, в которой в настоящее время страшно жарко...»)

...Ее звали в Москву, в Центральный Комитет. Но ей казалось, что сейчас она нужнее в Питере, что в Питере меньше людей, обстановка сложнее, и она не имеет права уезжать.

Она писала Клавдии Тимофеевне Новгородцевой-Свердловой:

«...Вы, вероятно, знаете, что у нас здесь не очень блестяще обстоит относительно контрреволюции. По-видимому, готовилось повторение июльских дней, но «Урициия» (так называет Стасова Петроградскую ЧК по имени ее председателя М. С. Урицкого. — *А. И.*), кажется оказалась на высоте положения и напала на верный след...»

«...В Москву сейчас не поеду, ибо надо здесь работать. Область ведь еще далеко не сформировалась, а область крайне важная ввиду пограничного положения. Кроме того, очень боюсь, что здесь примажется к работе еще какая-нибудь дрянь...

Необходимо принять самые резкие меры очищения рядов партии от всех примазавшихся к ней...

Покойной ночи. Горячий привет Вам и Якову Михайловичу.

Елена»

А «примазавшихся» было достаточно. И по отношению к ним добрая и чуткая Елена Дмитриевна была не только резка, а беспощадна.

Приспособленцы и карьеристы боялись ее. А молодые коммунисты учились большевистской принципиальности.

Таким «молодым» коммунистом был и вступивший в партию в 1917 году активный участник Октябрьской революции, член Военно-Революционного комитета, бывший социал-демократ «межрайонец» Моисей Урицкий. Елена Стасова вручала ему партийный билет.

Глубоко уважая свою «крестную», Урицкий подарил ей карточку с надписью: «Е. Д. Стасовой от «молодого коммуниста».

После отъезда правительства в Москву Урицкий был назначен главой Петроградской ЧК.

30 августа 1918 года в 10 часов утра он был убит эсерами.

В Москве эсеркой Каплан было совершено подготовленное членами ЦК правых эсеров злодейское покушение на В. И. Ленина, вызвавшее огромное негодование и гнев всей трудовой России.

В «Астории» был созван актив Петроградского комитета.

Собрание актива приняло деловые решения о создании специальных «троек» по районам для выявления контрреволюционных элементов.

С этого дня (30 августа 1918 года) Елена Стасова была введена в состав президиума Петроградской ЧК.

Надо было организованно, отвергая всякую стихийность, ответить ударом на удар врагов, «беспощадным массовым террором против всех врагов Революции». 5 сентября Совет Народных Комиссаров в ответ на белый террор принял постановление о «красном терроре».

Контрреволюция все выше подымала голову. Враги окружали со всех сторон. Лучшие люди партии боролись с врагами в первых рядах на линии огня. Елена Дмитриевна Стасова выполняла свои обязанности чекистки так же убежденно и решительно, трезво и непреклонно, как и все другие поручения, которые давала ей партия. Она никогда не колебалась, когда следовало обезвредить и казнить врага и не медлила, когда нужно было спасти и восстановить честь невинно осужденного.

В декабре 1918 года К. Т. Свердлова писала ей о намечающемся издании сборника портретов-биографий женщин, «работа которых для партии громадна».

«И пока у меня в голове вертится 2 имени — Надежды Константиновны и Ваше. Я слишком хорошо помню письма Надежды Константиновны, которые она рассылала в нелегальные времена на места активным

работникам. Знаю, что и Вы не покладая рук и на воле и в ссылке работали среди партийных товарищей, помню, что давали Ваши письма в ссылке...»

...В марте 1919 года Центральный Комитет партии вызвал Елену Дмитриевну Стасову в Москву для участия в подготовке VIII съезда партии.

МОСКВА. СЕКРЕТАРЬ ЦК. РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ.

На VIII съезде партии Елена Дмитриевна Стасова была избрана членом Центрального Комитета, и ей опять доверили высокий пост секретаря ЦК.

Это были очень тяжелые дни для молодой Советской республики. С севера, с юга, с востока и запада наступали враги. Белогвардейское кольцо сжималось вокруг Москвы и Петрограда. Следовало быть готовым ко всему. Стоял даже вопрос о возможности ухода партии в подполье, если контрреволюционеры и интервенты временно прорвутся к власти. Елене Дмитриевне, ветерану подполья, было поручено на всякий случай позаботиться о паспортах для всех членов ЦК и для Ленина, обеспечить партию материальными средствами.

К счастью, паспорта не понадобились. Народ не допустил победы контрреволюции.

Коммунисты возглавляли широкие народные массы и на военном и на трудовом фронтах.

Коммунисты были первыми как среди героев Октября, так и среди героев гражданской войны. Коммунисты показывали пример беззаветной борьбы за свободу народа.

Прекрасную оценку деятельности партии в годы гражданской войны дал Владимир Ильич Ленин:

«...Только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и

потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить».

Председатель ЦИКа Яков Михайлович Свердлов готовил людей для руководства советскими органами на местах. Были созданы специальные курсы. И на этих курсах — тоже не без дальнего прицела — Елена Дмитриевна читала цикл лекций о работе партии в подполье.

Сколь многообразной и многосторонней была работа ее на посту секретаря ЦК! Здесь особенно пригодилась и широкая ее образованность, и знание языков.

В Москву, как в новую Мекку, приезжали из многих стран иностранцы, революционеры. Француз Жак Садуль, друг Ромена Роллана, венгр Бела Кун, чех Богумир Шмераль. (Много позже рассказывал мне Жак Садуль, как был он поражен и обрадован широкими познаниями Стасовой в области французской истории и культуры.) Еще раньше Я. М. Свердлов познакомил Стасову с группой революционных немецких военнопленных интернационалистов, которым она должна была оказать помощь. Теперь надо было активно включаться в международную работу партии. И все это было захватывающе интересно.

Аппарат в Центральном Комитете был очень небольшой. Самой Стасовой приходилось заниматься и большими и малыми делами. Воскресные дни, когда не было приема людей, целиком уходили на разбор почты, расшифровку телеграмм. Никаких шифровальных отде-

лов в ЦК не было. Вся шифровка и расшифровка производилась лично Стасовой.

Эту работу прерывали самые неожиданные телефонные звонки.

Звонок из Реввоенсовета республики.

— Срочно приезжайте. Неотложное военное дело.

— Я же абсолютно штатский человек. Ничего не понимаю в ваших делах.

— Вы — секретарь ЦК. Других нет в Москве. Ждем.

Отложила все дела. Поехала.

У члена Реввоенсовета на столе карты фронтов. Деникин прорвался у Орла. Необходима срочная мобилизация коммунистов — заполнить брешь, добить белогвардейцев.

Решать надо было немедленно. Тут же Стасова звонит в ЦК, дает указания о мобилизации ста коммунистов. Звонок в Моссовет — снабдить отряд всем необходимым.

В шесть часов отряд выехал с Курского вокзала. Коммунистов провожала Стасова.

Бывали и звонки с «жалобой» на Владимира Ильича.

Знакомый голос. Надежда Константиновна или Мария Ильинична.

— Елена Дмитриевна! Надо принять какие-то меры. Владимир Ильич доработался до бессонницы.

Немедленно сигналы по телефону всем членам ЦК: надо вынести постановление об отпуске Ленину. Постановление принято опросом. Звонок Ленину: «Владимир Ильич, имеется постановление ЦК о предоставлении вам отпуска...» Ильич отказывается, упирается. Но решение ЦК есть решение ЦК. Стасова не идет ни на какие уступки. Наконец, очень сердитый голос Ленина:

— Когда прикажете приступить к отпуску?

Ленин не щадил себя. Но как чутко, настойчиво заботился он о здоровье своих соратников. Сколько раз звонил Стасовой по «личным делам», «по мелочам». Но

ни для Ленина, ни для Стасовой это не были «мелочи». Секретарь ЦК должен был заниматься не только политическими делами, но и заботой о здоровье друзей, об их быте. Так же, как когда-то в далекие дни сибирской ссылки.

В его звонках всегда было и смущение («не отрывает ли он Стасову от дел») и категоричность («человек прежде всего»). Такому-то товарищу надо достать шапку, такому-то сапоги, этому срочно послать врача, а того «выслать» в отпуск...

И никогда не забывал, и на следующий день обязательно спрашивал об исполнении.

Он всегда говорил, что коммунисты — это казенное имущество и растрачивать его не позволяется.

Когда Ленин узнал, что Ф. Э. Дзержинский доработался до кровохаркания, а отдыхать не хочет, он позвонил Елене Дмитриевне и предложил отправить Дзержинского на две недели в отпуск в Нарофоминск (там был лучший совхоз, и Дзержинского могли «подкормить»). При встрече со Стасовой Ленин, лукаво улыбнувшись, сказал: «А телефона-то в совхозе нет. Вот и звонить в Москву Феликс Эдмундович не сумеет... Забот меньше...»

Особенно доставалось всегда его заместителю Александру Дмитриевичу Цюрупе.

Однажды Стасова получила даже записку, на которой решительным ленинским почерком было написано:

«За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе:

1-ое предостережение и *предписывается немедленно ехать домой...*

Ленин»

...У Александра Дмитриевича Цюрупы изредка устраивались музыкальные вечера. Лучшим отдыхом для Ильича и ближайших друзей его была музыка. Ленин, конечно, знал, что Елена Дмитриевна — племянни-

ца знаменитого музыковеда. Но не высказывал ей своих оценок музыкальных произведений.

Как-то на вечере у Цюрупы известный пианист сыграл особенно любимую Лениным бетховенскую «Аппассионату».

Елена Дмитриевна, еще находясь целиком под впечатлением музыки, подошла к Ильичу и спросила: доволен ли он исполнением сонаты?

Ленин нахмурился.

— Что вы меня спрашиваете! — ответил он. — Какое значение имеет мое мнение? Ведь я только любитель музыки.

Весной девятнадцатого года Елена Дмитриевна жила на Воздвиженке, неподалеку от Кремля. Владимир Ильич часто звонил ей, а иногда заходил «по-соседски» с кем-нибудь из товарищей. Однажды он пришел вместе с Алексеем Максимовичем Горьким. Они только что побывали на одной из художественных выставок и продолжали начатый там разговор.

Ленин говорил:

— Красивое надо сохранять, брать его за эталон, даже если оно «старое». Было бы величайшей глупостью предавать забвению произведения Пушкина и Толстого, этих великих корифеев культуры... Я убежден, что все последующие поколения будут увлеченно изучать этих классиков.

С особым пристальным вниманием относился Ленин к каждому новому открытию в области науки.

Узнав об успехах ученых Нижегородской радиолаборатории, Владимир Ильич позвонил Стасовой в ЦК:

«Мне сообщили, что наши ученые в радиолаборатории добились блестящих результатов. Лапотная Россия начинает удивлять мир. То-то еще будет!»

Отечески трогательно заботился он об И. В. Мичурине, И. М. Губкине, И. П. Павлове, К. А. Тимирязеве и многих других видных ученых.

Когда Ленин узнал о бедственном положении петроградских ученых, он немедленно позвонил в Секретариат ЦК.

— Елена Дмитриевна, — сказал он, — надо помочь петроградским ученым. Они голодают. История не простит нам, если Советская власть не протянет им руку помощи.

На следующий день Владимир Ильич позвонил снова и поинтересовался, какие практические меры принимает ЦК по этому вопросу. Он остался очень доволен, узнав, что ученым установлен повышенный (академический) паек.

...В марте 1919 года умер Яков Михайлович Свердлов. Ушел из жизни самый большой друг, один из лучших людей, которых она встречала на земле.

Но нельзя было опускать руки. Это была огромная брешь в партийных рядах... Надо было собрать все силы, чтобы заполнить ее. Как тогда, когда она мобилизовала сто коммунистов на орловский прорыв. Теперь надо мобилизовать все собственные силы. Она была по-прежнему энергична, деятельна. Поддерживала Клавдию Тимофеевну.

Только вечером на траурном заседании, когда, необычно волнуясь, выступал Владимир Ильич, она не выдержала. И стекла строгого пенсне ее затуманились.

...22 апреля 1920 года Владимиру Ильичу Ленину исполнилось 50 лет. Работники Московского комитета партии решили отпраздновать эту знаменательную дату, собраться и пригласить Ильича.

Ленин, не любивший всяких чествований, был очень недоволен.

— Я попрошу, — говорил он сердито работникам МК, — вас всех переписать и предложу ЦК наложить на всех партийное взыскание за бесполезную и напрасную трату времени...

Однако его уговорили, и он хоть с запозданием, но приехал.

Выступали Ольминский, Луначарский, Горький.

Запоздал Ильич специально, чтобы не слушать «юбилейных» речей.

В этот день Елена Дмитриевна была больна, не могла быть на собрании и лично поздравить Ленина. Но ей хотелось сделать Ильичу что-либо приятное, и она разыскала в своих бумагах карикатуру известного сатирика В. В. Каррика, на которой был изображен юбилей народника Н. К. Михайловского. За столом, накрытым сукном, стоял растроганный Михайловский. В одной руке он держал снятое пенсне; в другой — платок, которым только что утирал слезы. Михайловского окружали Южаков, Мякотин и другие видные народники того времени, а перед столом стояли двое детей — мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это «марксята» пришли приветствовать народников.

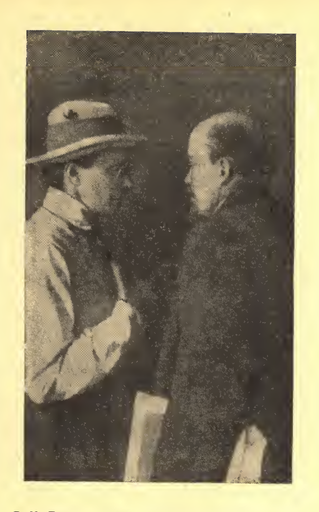
Елена Дмитриевна, зная, как любит Ильич посмеяться, вложила карикатуру в конверт. Но приложила к ней серьезное письмо: вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту...

Владимиру Ильичу действительно карикатура очень понравилась.

Выступая на собрании, он высмеял юбилейное славословие, кратко обрисовал путь, пройденный партией, сказал о трудностях, стоящих перед ней, и призвал не увлекаться успехами и, главное, никогда не зазнаваться.

А «юбилейную» карикатуру он показал всем присутствующим, не преминув заметить, что получил ее сегодня вместе «с чрезвычайно дружеским письмом...»

Отчет о собрании был напечатан в «Правде». Елена



В. И. Ленин беседует с Е. Д. Стасовой в перерыве между заседаниями II конгресса Коминтерна (1920 г.)

Дмитриевна не один раз перечитывала речь Ильича. Столько лет она знала Ленина, столько лет работала с ним бок о бок. И не переставала удивляться мудрости и человечности, и скромности его.

«Никогда не зазнаваться...», — повторила она вслух.

...А на II конгрессе Коминтерна Ленин опять поразил ее. Он всегда утверждал, что весьма посредственно изучил иностранные языки, писал об этом в одной из своих анкет.

А тут вот даже она, привычная ко всему, ахнула.

В своем выступлении (в Андреевском зале Кремлевского дворца) Ленин резко раскритиковал ошибки Коммунистической партии Германии и оппортунистическую линию итальянского делегата Серрати. Пока речь шла о германской партии, Ленин говорил — и блестяще говорил — по-немецки, а приступив к Серрати, сразу перешел на французский язык, которым владел в совершенстве. Гул прошел по залу... А в перерыве он оживленно беседовал по-английски с товарищами из Лондона.

Как-то, из-за болезни, Владимир Ильич пропустил несколько заседаний. Елена Дмитриевна была очень занята и не могла навестить его. Да и врачи не одобряли посещения гостей. Она встретила Ленина только на очередном собрании.

— Как ваше здоровье, Владимир Ильич? Впрочем, и спрашивать не надо: очевидно, хорошо, потому что глаза — хитрые...

Ильич расхохотался.

— Послушайте, товарищи! — сказал он, сквозь смех, — послушайте, что Стасова-то говорит! Она говорит, что у меня глаза хитрые...

А однажды он дал Елене Дмитриевне срочное и важное политическое поручение. Стасова стала отказываться, ссылаясь на то, что она только организатор и недостаточно сильна по вопросам теории.

— Снова, как тогда в Женеве, — прищурился Ильич

(И все-то он помнил!) А вы с «Рабочей мыслью» воевали?

— Воевала.

— А с «экономистами» воевали?

— Тоже.

— А с меньшевиками?

— Тоже.

— А с ликвидаторами?

— Воевала.

— Так, — сказал он уже совсем строго, — идите и выполняйте это поручение.

Гражданская война была окончена. Все свои силы партия сосредоточила на решении главной задачи — строительстве социализма.

В ГЕРМАНСКОМ ПОДПОЛЬЕ. КЛАРА ЦЕТКИН. РУКОВОДИТЕЛЬ МОПРа

Весною 1921 года Елену Дмитриевну Стасову направили на работу в Германию. Уезжая в Германию, она пришла к Владимиру Ильичу за напутствием, за указаниями.

Ленин пристально посмотрел на испытанную, верную свою соратницу. В какой-то момент он пожалел, что так вот неожиданно уезжает она и он, видимо, не увидит ее долгие годы. Ведь не так уж много у него таких, именно таких друзей. Навсегда ушел Свердлов... Вспомнил вдруг, как в Женеве пришел к Стасовой сообщить о смерти Баумана.

Но, конечно же, не могли предполагать ни Ленин, ни Стасова, что это последняя их встреча, последний разговор.

— Я дам вам только два совета: во-первых, когда вы будете на заседаниях Центрального Комитета КПГ и у вас будут несогласия с его мнением, то не диктуйте

свои возражения, а советуйте то, что предлагаете. А во-вторых, обязательно работать в низовой ячейке, потому что таким путем, через низовую ячейку, вы будете проверять, как постановления Центрального Комитета воспринимаются и понимаются низовыми организациями и массами. И одновременно вы сможете помочь ЦК исправить то, что неудачно сформулировано...

Так, по-ленинскому завету, она и поступала в своей сложной работе.

Смерть Ильича, о которой Стасова узнала в Германии, вплела в ее волосы не одну седую прядь. Кажется, что только вчера Елена, молодая и энергичная, постучала в дверь его женевской квартиры, и он поил ее чаем и жадно расспрашивал о России...

Пять лет она работает как член германской партии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Эрнста Тельмана и Клары Цеткин. Стасова — председатель ЦК «Красной помощи» («Rote Hilfe») Германии. Она член уличной ячейки в округе Моабит в Берлине. В той же ячейке состоит поэт Иоганнес Бехер. Вместе с Бехером они разносят листовки по квартирам рабочего округа. В свободные минуты поэт читает ей свои стихи о голодном городе. Никогда не забыть его глуховатый, чуть надтреснутый голос:

> Выходит солнце, чтоб повеселиться,
> Но скучно выполняет эту роль...

Они и не думали еще тогда, что через двадцать лет встретятся в Москве и будут работать рядом в редакции журнала «Интернациональная литература»... И все двенадцать лет, что жил он в Москве, он по привычке звал ее не Елена, а Герта.

В течение пяти лет «Елена Стасова» не существовала. В Берлине жила, работала, боролась Лидия Вильгельм по паспорту, Герта по партийной кличке. По это-

му паспорту она дважды принимала участие в выборах в рейхстаг. Голосовала, конечно, за коммунистов...

Она передавала немецким коммунистам опыт русской большевистской партии. Она была профессором конспирации и дисциплины.

Ближайшим ее другом и соратником был Вильгельм Пик.

Через пять лет она возвращается на родину. Нет больше Герты. Она осталась навсегда в памяти далеких берлинских друзей. Она еще встретится с ними через много, много лет.

Елену Дмитриевну Стасову избирают председателем Всесоюзного ЦК Международной организации помощи революционерам (МОПР). Крепнет дружба ее с председателем Всемирного Исполкома МОПР — Кларой Цеткин.

Они познакомились в двадцатом году, на Международной конференции женщин-коммунисток. А еще в девятнадцатом один из немецких товарищей привез Владимиру Ильичу записку от Клары. Ехал он нелегально, записку пришлось прятать, и на сгибах она стерлась. Владимир Ильич никак не мог прочитать ее и прислал Елене Дмитриевне с просьбой помочь разобрать полустершиеся строчки.

А потом Ильич поручил послать Кларе весь материал по работе среди женщин. Так и началась переписка Клары Цеткин и Елены Стасовой. Они очень полюбили друг друга. Елена Дмитриевна всегда высоко ценила живость, энергию, неутомимость Клары.

Владимир Ильич очень уважал Клару Цеткин, любил ее и высоко ценил как человека, теоретика, партийного руководителя.

Елене Дмитриевне хорошо запомнилась беседа между Лениным и Кларой Цеткин в 1920 году, при которой она присутствовала. Разговор шел на немецком языке.

— Вот Клара восхищается нашими успехами в области культуры, — сказал Ленин, обращаясь к Стасовой. — Ее поражает возросшая активность наших трудящихся, и особенно женщин. Конечно, Советскою властью делается очень многое. Но не надо заблуждаться и самоуспокаиваться. Наши успехи действительно велики в сравнении с тем, что было, но они кажутся мизерно ничтожными в сравнении с тем, что нам предстоит еще сделать. Наша культурная революция только началась.

Однако, как всегда глубоко принципиальный, Ленин не прощал и Кларе Цеткин ошибок в партийной работе.

Когда в марте 1921 года в Центральной Германии произошло восстание, в ЦК Германской компартии возникли большие споры и разногласия. Когда было принято решение, по которому Цеткин осталась в меньшинстве, — Клара демонстративно вышла из Центрального Комитета.

Вскоре она поехала в Москву на III Конгресс Коминтерна. И, конечно же, пошла к Ленину.

О том, что произошло при этой встрече, она подробно написала Стасовой, находившейся тогда в Германии.

Ильич, как всегда, очень обрадовавшийся встрече с Кларой, закатил ей, однако, такую «головомойку», которую она не испытывала никогда в жизни.

«Владимир Ильич сказал, — откровенно писала Клара Елене, — Клара, вы — старый революционер, который всегда правильно вел свою линию. Что же вы наделали теперь? Вы вышли из Центрального Комитета, потому что оказались в меньшинстве, так как были несогласны с его решением. Что представляет из себя ЦК партии? Есть ли это собрание случайных людей, или случайных коллективов? Ничего подобного. Это — коллектив лучших людей партии, и вы, выйдя из ЦК, по-

дорвали авторитет не только Центрального Комитета, но и всей партии».

Клара писала, что дала слово Владимиру Ильичу или, как она смешно выразилась, «била ему руку» (в знак согласия), что никогда не поступит таким образом, а если у нее возникнут сомнения, то будет советоваться с русскими товарищами.

«Ну, — сказал Ленин, сразу меняя тон, — повинную голову меч не сечет.

Это у вас есть такая интересная пословица, Елена. И он засмеялся. Вы ведь знаете, Елена, как умеет смеяться Владимир Ильич».

Елена Дмитриевна рассказывала мне этот замечательный эпизод, а передо мною вставал живой облик Клары Цеткин. В дни одного из конгрессов Коминтерна она пришла к нам в редакцию «Рабочей Москвы», рассказывала о жизни, о борьбе. Совсем молодой наш фотокорреспондент-практикант сфотографировал Клару с одной из наших работниц. Этот снимок, подаренный Кларой Цеткин, я долгие годы храню в своем архиве. А юный тот фотокорреспондент, кстати сказать, сейчас известнейший кинорежиссер, лауреат Ленинской премии Роман Кармен.

Все тяжелые недуги точно отступали перед силой духа Клары Цеткин. До последних дней своей жизни она не прекращала работы.

Как отважно стояла она, победившая страх и смерть, на трибуне, открывая, как старейший депутат, сессию немецкого рейхстага средь воя и улюлюканья фашистских головорезов...

...Они часто беседовали, эти две изумительные женщины нашего века. Соотечественница Маркса и соотечественница Ленина. О жизни, о борьбе, о друзьях ушедших и о друзьях молодых, о будущем.

Елена Дмитриевна часто думала, как все же повезло ей в жизни. Какие люди были ее друзьями и сорат-

никами: Ленин, Бауман, Свердлов, Орджоникидзе, Пик, Клара...

Ей уже исполнилось 60. И голова стала совсем седой. Но весь жар своего горячего сердца она отдавала работе. Со всего мира тянулись сквозь решетки руки борцов. Они ждали помощи. И она должна была эту помощь организовать.

В Иванове был создан детский дом МОПРа. В нем воспитывались будущие борцы, дети узников из Испании, Китая, Германии, Венгрии. Елена Дмитриевна была частым гостем этого дома. Это все были ее дети и внуки.

Но одной работы в МОПРе было для нее слишком мало. Она была членом Интернациональной Контрольной комиссии Коминтерна и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Вместе с Роменом Ролланом и Анри Барбюсом она приняла участие в организации Амстердамского Всемирного антивоенного конгресса. Но не получила немецкой визы для проезда в Амстердам.

Она подружилась с Анри Барбюсом и активно помогала ему в благородной антивоенной борьбе.

Она была избрана в состав Всемирного антивоенного и антифашистского комитетов и часто ездила по делам комитета в Париж и выступала с высокой международной трибуны против войны и фашизма. В 1934 году Елена Стасова председательствовала на Всемирном женском антивоенном конгрессе. Она по-прежнему не считала себя оратором и политиком, всегда перед поездкой показывала тезисы своего выступления старому другу, Алексею Максимовичу Горькому. Он помогал ей добрым своим советом.

Годы уже перевалили на седьмой десяток, а энергия не убывала. И она была счастлива тем, что так полна жизнь, что тысячам людей нужен ее опыт, ее помощь, ее добрый совет.

Член Центральной Комиссии по чистке партии. Член

Московского городского комитета партии. Член ЦИКа Союза и Комиссии по выработке Конституции. Делегат XVII съезда ВКП(б) от Московской организации.

Таков был далеко не полный ее «послужной» список.

В эти годы была достигнута окончательная победа социализма, построено в основном и упрочено социалистическое общество.

Председателем ЦК МОПРа СССР Е. Д. Стасова оставалась до 1938 года. В октябре 1938 года она была назначена редактором журнала «Интернациональная литература» на французском языке.

А потом началась война...

Великая Отечественная война против вторгнувшихся в пределы нашей страны гитлеровских полчищ была, как подчеркивает история КПСС, войной за светлое будущее всего человечества, против чудовищного порождения империализма, его ударной силы — фашизма.

На защиту социалистической родины поднялись все народы Советского многонационального государства.

Руководимые Коммунистической партией, ее Центральным Комитетом, пославшим на фронт лучшие свои силы, советские люди после долгих кровопролитных боев разбили наголову германский фашизм. Мировая цивилизация была спасена от коричневой чумы.

ЖУРНАЛ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА». БАРБЮС. ПИСЬМА НА ФРОНТ

Еще до войны Елена Дмитриевна Стасова была назначена редактором журнала «Интернациональная литература» на французском языке. Пригодилось прекрасное знание языка, связи со многими французскими писателями, началом которых явилась дружба с Анри Барбюсом.

Мне посчастливилось не раз видеть их вместе. Чем-то они очень походили друг на друга. Оба высокие, сухощавые, темпераментные. Только у Барбюса этот темперамент всегда выявлялся внешне — в энергичных жестах, в беспрестанном курении, в горячем блеске глаз. Горячность Стасовой была скрыта под внешней пеленой спокойствия, молодой блеск ее глаз скрывали стекла старомодного пенсне.

Не забыть скорби, лежавшей на ее лице, когда ранней золотой осенью 1935 года москвичи провожали гроб с телом Барбюса на Белорусский вокзал. И именно она, Елена Стасова, сопровождала своего старого друга до самой границы, чтобы передать его с рук на руки представителям французского пролетариата. Ушел из жизни еще один друг. Близкий. Сокровенный.

Переписку с другом и секретарем Барбюса Аннет Видаль Елена Дмитриевна поддерживала до последних дней своей жизни. Аннет показывала мне в Париже эти дружеские заботливые письма.

...Когда началась война, Елена Дмитриевна потребовала, чтобы ее «призвали» в армию. Чтобы использовали ее знание языков. Но ей было уже почти 70 лет, здоровье ее сильно пошатнулось, и ей предложили временно уехать в тыл. Временно...

Но и в тылу, в Красноуфимске, она ни минуты не сидела без дела. И не было дня, чтобы она не выступала как организатор и пропагандист на заводах и в колхозах.

В феврале 1942 года Стасова уже в Москве. Она редактирует и французское и английское издания «Интернациональной литературы» (немецкое — редактирует Иоганнес Бехер). У каждого журнала свое лицо. Стасова прекрасно знает, что интересует читателей Франции и каковы запросы англичан. Она выступает по радио проводит десятки бесед на предприятиях.

Ей пишут с фронта и из тыла. Десятки, сотни писем.

И всем она отвечает своим аккуратным почерком, отдавая переписке вечера и ночи после долгой дневной работы.

Позволю себе сделать в этом месте небольшое отступление.

Еще до войны мне не раз приходилось встречаться с Еленой Дмитриевной Стасовой. И каждая такая беседа бодрила и вливала новые силы. Как умела найти путь к самому сердцу эта внешне суховатая и суровая женщина!

С фронта я посылал Стасовой различные материалы для ее журналов. Больше всего понравился ей рассказ «Береза» о комсомольцах, защищавших свой блиндаж до последней капли крови, об иссеченной осколком березе, которая стояла у блиндажа.

Вместе с номером журнала, где напечатана была «Береза», Стасова прислала мне дружеское письмо, где просила чаще писать и не только о боевых эпизодах, а о душе солдатской.

На фронте я получил от Елены Дмитриевны немало писем. Необычайно человечные строки этих писем делали для меня облик Елены Дмитриевны еще более дорогим и родным. И я писал ей как другу и как матери. И я так радовался письмам, где она сообщала о работе своей, об успехах журналов, о встречах с московскими рабочими на заводах. Я чувствовал между строк неиссякаемую энергию, волю и бодрость этой замечательной женщины, воплотившей в себе несгибаемость, целеустремленность, совесть нашей великой, непобедимой партии.

СНОВА В БЕРЛИНЕ

И опять идут годы. Страна, восстановив после войны все свои силы, неудержимо движется по социалисти-

ческому пути. Растет и ширится творчество рабочих масс.

Стасовой 80 лет. Но, перефразируя известные слова Вильгельма Либкнехта, — когда речь идет о революции, — ей не восемьдесят, а четыре раза по двадцать. А в ее жизни речь всегда идет о революции.

Она уже не редактирует журналов. Но по-прежнему выступает на заводах, выезжает в Ленинград и Киев, встречается с сотнями людей. Пишет свои воспоминания о Ленине, редактирует сочинения В. В. Стасова. Она занимает свое почетное место в общем строю.

С именем Ленина связаны все ее выступления — на широких встречах, в кругу друзей, в печати. Рассказывая о жизни и делах ветеранов старой большевистской гвардии, она неизменно вспоминает ленинские традиции. В этом плане характерны слова, которые она посвятила памяти большевика-подпольщика, первого наркомпрода, Георгия Ипполитовича Ломова: «Какой бы высокий пост Ломов ни занимал, он всегда оставался настоящим революционером, личностью яркой, беспокойной, ищущей. И еще — он всегда понимал, что, по известному определению, высшая должность на земле — это быть человеком... Словом, всем своим обликом он являл тип коммуниста, революционера, с которого, говоря словами Маяковского, смело можно «делать жизнь». Впрочем, это и естественно. Ведь он работал с Лениным. Ильич знал и ценил его».

В январе 1956 года 82-летняя Стасова совершает незабываемое для нее путешествие в юность. В составе советской делегации она выезжает в Берлин на юбилейные торжества в связи с 80-летием Вильгельма Пика.

Седая «Герта» вспоминает первые встречи с молодым Вильгельмом в подполье. Она с ним не раз встречалась потом, в Москве, когда он, вынужденный покинуть родину, жил в Советском Союзе, работал в Испол-

коме Коминтерна и в МОПРе. Теперь Вильгельм Пик — президент.

После торжественных встреч и юбилейных форумов они сидят вдвоем у окна в домашнем кабинете Пика, вспоминают молодость. Ильича, Клару... Целая жизнь! Огромная, не укладывающаяся ни в какие рамки жизнь. Сколько немецких друзей погибло за эти годы в гитлеровских лагерях и застенках. А внизу шумит молодой, обновленный, залечивший свои раны Берлин.

Пять дней пробыла Елена Стасова в Берлине. Каждый день был заполнен до предела. Рабочие. Студенты. Воспоминания о первой русской революции, о подполье, о Владимире Ильиче и о Кларе Цеткин. Кто сказал, что ей 82 года? Она опять Герта, Герта двадцатых годов, но только с белоснежными сединами вокруг высокого лба.

Встречи и письма. Письма, которые доводят до слез.

«Когда я вчера увидел тебя издалека во второй половине дня у Восточного вокзала, я подумал с благодарностью и гордостью о той самоотверженной работе и помощи, которую ты 30 лет тому назад посвятила нашей немецкой партии.

Мы все, кто тогда соприкасался с тобой в процессе партийной работы, никогда не забудем твое строгое понимание верного выполнения своего долга борца и твою безграничную любовь к делу рабочего движения и попытаемся также в будущем ставить тебя себе в пример...

Герман Маковер
(Макс Менде)».

Письма от бывших политэмигрантов.

«Вы были нам, дорогая т. Стасова, матерью, которая

постоянно была в курсе всех наших забот и нужд... Мы приветствуем Вас нашим старым приветствием «Rot Front»...

По поручению бывших политэмигрантов

Эльза Проскауер-Вернер».

«Радость, которую я испытала, когда увидела сегодня твой портрет в нашей партийной газете, в «Нейес Дейчланд», я едва ли смогу описать тебе словами.

При воспоминании о времени, которое было 30 лет назад, в 1933 г., когда Карл погиб от руки фашистов и твоя помощь поддержала нас, меня охватило страстное желание видеть тебя, пожать тебе руку... Я прошу тебя от всего сердца об этом, дорогая т. Стасова. Я расскажу тебе тогда о всем, мною пережитом...

С сердечным боевым приветом, остаюсь

твоя Мария Шульц...»

Письма в советское посольство:

«Это было осенью 1948 года. Я был тогда одним из многих немецких военнопленных, которому в советском лагере для военнопленных открыли глаза на правду и подготовили для практической работы по строительству новой Германии... Однажды к нам в лагерь приехала т. Елена Стасова. Тогда ей было 75 лет, и, несмотря на то, что со здоровьем у нее было неважно, она приехала к нам, чтобы рассказать нам о своей жизни... В кратких словах рассказала она нам о совместной работе с Лениным, об эпизодах из подпольной жизни...

Я прошу передать т. Стасовой мой сердечный привет и пожелать ей хорошего здоровья и еще многих лет деятельности на благо социализма и мира.

С социалистическим приветом

Герберт Анна».

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА. БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ. ЛЮБОВЬ НАРОДНАЯ. ДЕЛЕГАТ XXII СЪЕЗДА. ПЛЕМЯННИК ИЗ ВЬЕТНАМА

1957 год. 16 сентября.

«Сосны». Прекрасный уголок Подмосковья. Мы сидим с Еленой Дмитриевной у широко распахнутого окна. Вечереет. Освещенные заходящим солнцем покачиваются высокие сосны. Пламенеют клены. Вдали за рекой до самого горизонта раскинулись поля...

— Люблю осень, — тихо говорит Елена Дмитриевна. — Помните у Пушкина: «Унылая пора, очей очарованье...» Очи мои уже плохо видят. А осеннее очарование чувствую по-прежнему.

Через несколько дней ей исполняется 84 года... Это уже осень, и далеко не ранняя. И, однако, несмотря на всякие физические недуги, Елена Дмитриевна Стасова живет полноценной духовной жизнью. У нее была яркая весна, прекрасное долгое лето, до краев наполненное самоотверженным трудом, творчеством и борьбой. Она не сдает и сейчас, в свою позднюю осень. Она пишет о прошлом, выступает с многочисленных трибун Москвы, Ленинграда, Киева... Она получает сотни писем от рабочих, учителей, колхозников, солдат, музыкантов, студентов и школьников. Она получает письма из Чебоксар, Магадана, Парижа и Берлина. Она отвечает на эти письма. Она рассказывает о том, как великий Ленин создавал нашу партию, как закалялась партия в десятилетия жестокой борьбы с царизмом. Она рассказывает о вожде и о друге. Да, ей выпала высокая честь быть другом и соратником Владимира Ильича. Она стояла у самых истоков партии. Она работала бок о бок с Надеждой Крупской и с Михаилом Калининым, с Яковом Свердловым и Николаем Бауманом, с Кларой Цеткин и Вильгельмом Пиком...

Она сохранила свою боевую страстность, бескомпромиссную принципиальность, свою безграничную любовь к людям, свою волю и неукротимое желание помочь человеку в трудную минуту.

С какой радостью ощущает она эту свою нужность людям, тысячам людей, которые пишут ей душевные письма.

Она по-прежнему в строю. Как и тридцать, как и сорок, как и шестьдесят лет тому назад на ранней заре своей жизни.

Она снова рассказывает мне о встречах с Лениным. Потом читаю ей письма. (Глаза ее уже сдают. Операция помогла, но не надолго. Все же 84...).

Корреспонденция обширна. Прежде всего письма брата. Не так уж много осталось близких от большой когда-то и дружной семьи Стасовых. Геройски погиб на фронте любимый племянник, офицер флота. И к каждому родственнику Елена Дмитриевна относится с суровой нежностью.

Но кто говорит, что мало осталось родных? Во всех уголках земного шара живут ее близкие люди, ее большая семья.

Письмо из Ялты от М. Л. Сулимовой, подруги многих лет. Беспокоится о здоровье. И в то же время напоминает, что близится страдная пора. Годовщина Октябрьской революции. В эти дни надо быть в строю. На боевой вахте.

Большое письмо из воинской части от молодых солдат. Комсомольцы всех подразделений прочли ее воспоминания о Ленине. Благодарят. Шлют привет и пожелания здоровья. Сообщают об успехах своей части. Ждут ее письма.

Елена Дмитриевна подозрительно долго протирает стекла пенсне... Надо ответить. Ответить немедленно. Надо им рассказать еще, как Ленин ценил знания, как помогал всем учиться.

Письма из Одессы. Моряки зовут ее к себе на море, в гости.

Письмо из Парижа. От старого друга Аннет Видаль, соратницы и секретаря Анри Барбюса. Недавно Аннет прислала ей свою книгу: «Анри Барбюс — солдат мира». И Елена Дмитриевна немедленно откликнулась, написала в «Правде» о том, что книга эта весьма актуально звучит в настоящее время, она служит делу борьбы за прочный мир, против происков врагов мира.

Пакет от коммунистов Триеста. Итальянские газеты. На развороте — портрет Елены Дмитриевны среди девушек Триеста, посетивших ее в дни фестиваля молодежи. Седая, задумчивая сидит она среди смеющихся, черноглазых, черноволосых.

Они, эти девушки, пишут ей о том, как полюбили ее, как часто вспоминают, как много дали им ее сердечные рассказы. Они тоже зовут ее к себе в гости на Адриатику...

Письмо из Германии. От старого товарища по временам «Rote Hilfe».

Он ее называет Герта. Герта... Почти сорок лет назад. Сколько воспоминаний...

Солнце скрылось за горизонтом. Отпылали, погасли клены... Мы сумерничаем, не зажигая огня. Мне дорого каждое слово Елены Дмитриевны. Воспоминания о дяде, Владимире Васильевиче, о старых друзьях из ленинской когорты.

В молодые годы она нечасто выступала. А теперь она обязана рассказывать молодежи об истоках партии, о том, как Ленин вел большевиков к победам, о том, «как закалялась сталь».

1958 год. 21 мая

День рождения Анри Барбюса. 85 лет. Торжественное заседание. Научные доклады. Речи. На трибуне Елена Стасова. Ей тоже 85. Она вспоминает о друге, рассказывает о том, как он, единственный мужчина, высту-

пал на Международном женском конгрессе в Париже, какую овацию устроили ему женщины всего мира...

1958 год. 6 июня

Позвонила Елена Дмитриевна. Просила зайти.

В комнате на маленьком письменном столе аккуратная стопка бумаг. За стеклом сочинения Маркса, Энгельса, Ленина. Массивные академические тома Владимира Стасова.

Елена Дмитриевна ежедневно работает над своими записками, над книгой о жизни. Вспоминает все новые детали. Написано предисловие к сборнику, посвященному комсомолу.

Нашла в своем архиве переписку с Барбюсом во время подготовки Амстердамского конгресса. Не использовать ли ее сейчас в дни напряженной борьбы за мир?

Бесконечные телефонные звонки. Она по-прежнему нужна сотням людей. Ей звонят комсомольцы, солдаты, старые большевики, композиторы, приехавшая из Парижа певица, исполнительница произведений Мусоргского.

А на днях надо выехать в Ленинград. Она обещала там выступить во Дворце культуры. Оттуда в Репино, бывшую Куоккалу.

Кстати, она хорошо знала в молодости Илью Ефимовича Репина — он писал портрет ее дяди. А отца писал Серов.

— Елена Дмитриевна! Откуда у вас столько сил?

Усмехается.

Неожиданно:

— А знаете, какой сильный был Владимир Ильич? Он любил спорт. Велосипед. Гири. Бывало пожмет руку — зажмуришься...

И чувствую — отстраняется. Уходит в себя. В далекое прошлое...

1958 год. 30 декабря

Елена Дмитриевна выступила с большой речью на пленуме Союза композиторов. Рассказывает об этом,

усмехаясь. Все-таки Стасова... Надо было им кое-что рассказать о Владимире Васильевиче. Сейчас работа над подготовкой к печати писем В. В. Стасова к родным отнимает у нее немало времени.

И одновременно книжка, посвященная Якову Михайловичу Свердлову.

1959 год. 11 июня

Барвиха. Весна. Мирные пейзажи. Все цветет. Веранда. Домино. Елена Дмитриевна сосредоточенно обдумывает очередной ход. Напарник ее Самуил Яковлевич Маршак. Такого специалиста по «козлу» нельзя подводить... Еще эпиграмму напишет. Да еще Корней Иванович Чуковский подсаживается со своими остротами. Все почти однолетки.

За соседним столиком молодой смеющийся Андре Стиль.

Елена Дмитриевна совсем бодра, оживленна.

После окончания партии выходим в парк. Я только что приехал из Болгарии. Рассказываю о замечательных людях этой страны.

Говорим о новом поколении, о комсомольцах.

Необходимо ярче, красочнее рассказывать молодежи историю партии, историю Коминтерна. О людях. Главное о людях. Вот и она еще в долгу. Кое-что на днях она опубликовала в «Вопросах истории».

Думает о новой работе, посвященной специально туруханской ссылке, о расширении книги своей.

И тут же переходит опять к проблемам музыки. Развивает взгляды свои на необходимость улучшать воспитание эстетических вкусов молодежи.

1959 год. Сентябрь

Газета «Правда». Пишет Е. Д. Стасова.

«Весь мир рукоплещет советскому народу, доставившему на Луну вымпелы с изображением герба СССР. Теперь уже недалек день, когда и человек отправится

в межпланетное путешествие. На наших глазах претворяются в жизнь самые дерзновенные мечты человечества. Нам, людям старшего поколения, старым большевикам, особенно радостно сознавать, что именно советский народ, руководимый Коммунистической партией, созданной гением великого Ленина, первым в мире прокладывает путь к звездам.

Как бы вместе с нами порадовался сегодня Ильич!»

1960 год. 17 декабря

Елене Дмитриевне 87 лет. Сегодняшняя наша тема разговора — Франция. По ее просьбе читаю ей всю французскую почту. Очередное письмо от Аннет Видаль. О музее Барбюса, о новых публикациях.

1961 год. 23 июня

Елена Дмитриевна за рабочим столом. Ежедневные занятия с секретарем с 10 до 14. Огромная переписка. Записи воспоминаний. Работа над сочинениями В. В. Стасова. Потом ей читают газеты, журналы. Приглашения на встречи, на вечера.

И повседневная, безустанная, ленинская забота о людях. Иногда она сама пишет ответы, хотя уже совсем плохо видит. Привычка...

Сегодня вызвала меня, передала толстую рукопись. Прислал из Крыма писатель Никаноркин. Документальная повесть об известном крымском враче Изергине, которого знала Стасова.

— Прочтите. Дайте отзыв. Расскажите мне, посоветуйте, чем можно помочь. Это наш долг. Да, кстати, вы не помните адреса француженки, которая выступала на последнем вечере памяти Барбюса? Надо написать ей письмо...

1961 год. Октябрь

Елене Дмитриевне 88 лет. Знаменательные дни. XXII съезд партии. Стасова избрана делегатом. Я поздравил ее. И в голосе ее слышал необычайное волнение. Пар-

тия оказала ей высокое доверие. Это дороже всех наград...

13 октября 1961 года, в канун дня своего рождения, Елена Дмитриевна пришла в Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца зарегистрироваться как делегат съезда от московских коммунистов. Сюда пришли лучшие люди столицы.

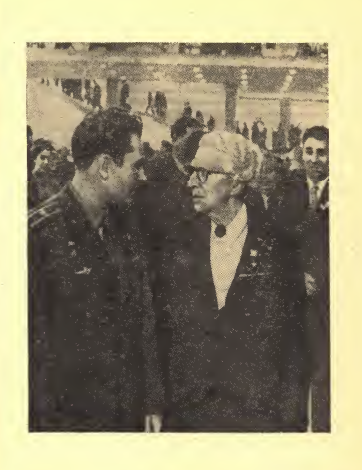
Стоящие «на очереди» делегаты-москвичи: лауреат Ленинской премии кинорежиссер Г. Н. Чухрай, каменщик В. М. Алексеев и каландровожатый завода «Каучук» А. В. Пономарев расступились, пропуская старейшую большевичку... Она заполняла анкету. «Стасова Елена Дмитриевна, член Коммунистической партии с 1898 года...»

Глубоко взволнованная, слушала она доклад ЦК. Ее окружали старые и молодые соратники. Годы... Годы борьбы возникали в ее памяти. И она вспомнила тот далекий день, когда впервые прочла листовку «Петухи», которую написал Владимир Ильич Ленин, обращение к питерским рабочим, звучавшее как предрассветный, пробуждающий клич... Она вспомнила тот день, когда окончательно связала свою судьбу с партией большевиков.

Это было 63 года тому назад. Почти никого из сидящих в этом зале еще не было на свете...

Она участвовала в подготовке II съезда партии, где была принята первая Программа; она была делегатом VIII съезда, принявшего вторую Программу. Ей выпало великое счастье быть участником XXII съезда и голосовать за принятие новой, третьей Программы ленинской партии, Программы коммунизма.

...На партийном съезде она познакомилась с Германом Титовым. Вездесущий корреспондент сфотографировал Стасову и Титова во время беседы. Их разделяли во времени десятки лет... И они стояли рядом. И это была живая история нашей великой партии.



Е. Д. Стасова и Г. С. Титов в Кремлевском Дворце съездов в перерыве между заседаниями XXII съезда КПСС (1961 г.)

В дни съезда у Стасовой произошла еще одна незабываемая встреча. За год до съезда вьетнамский юноша Ле Хонг Хай прочитал в газете «Нян Зан» приветствие старых русских большевиков трудящимся Демократической Республики Вьетнам. Он был боевым, храбрым парнем, воевал в джунглях за свободу родины и был неоднократно ранен. В джунглях он впервые увидел портрет Ленина, вырезал его из газеты и хранил в кармане гимнастерки около сердца. И он мечтал когда-нибудь приехать в Москву, встретить людей, которые знали живого Ленина.

Письмо ленинских соратников глубоко взволновало юношу, и он решил ответить.

Он хотел бы иметь родных в любимой Советской стране. Он просит старых коммунистов считать его своим племянником.

Е. Д. Стасова, М. Л. Сулимова, М. В. Фофанова и В. А. Смольянинов согласились принять Ле Хонг Хая в свою семью.

...И вот в квартире Марии Леонтьевны Сулимовой — телефонный звонок.

«Здравствуйте, тетя Сулимова... Это говорит ваш племянник из Вьетнама Ле Хонг Хай...»

Он приехал на учебу в Москву. И сразу решил связаться с «родственниками».

В Доме дружбы народов Стасова, Сулимова, Фофанова и Смольянинов встретились со своим племянником из Вьетнама.

Взволнованная Елена Дмитриевна обратилась к нему по-французски. Но он, оказывается, мог уже и по-русски говорить со своей тетей. Это была волнующая встреча родных и близких людей. Но разговор не закончился в Доме дружбы.

Елена Дмитриевна пригласила Ле Хонг Хая к себе в гости. Он показал ей тот старый, вырезанный из газеты, пробитый пулями, орошенный горячей кровью порт-

рет Ленина. И потрясенная Елена Дмитриевна долго рассказывала ему о том, каким был живой Ильич, и молодой вьетнамец слушал, не переводя дыхания. И ему не верилось, что воплотилась в жизнь его мечта, родившаяся там, в джунглях.

...Так еще одним родным человеком пополнилась большая семья Елены Стасовой.

1962 год. 29 мая

Я пришел к Елене Дмитриевне в дни, когда мы отмечали 25 лет со дня гибели Матэ Залка, легендарного генерала Лукача, погибшего под Уэской в боях за свободу испанского народа.

Я знал, что те далекие испанские события всегда волновали ее, что она, руководя МОПРом, была близко связана с испанскими коммунистами, что она шефствовала над Ивановским детдомом, где воспитывались дети погибших испанских борцов.

Мы говорили о тех романтических днях и о сегодняшних забастовках в Астурии. О том, что борьба не окончена. Мы говорили о боях прошедших и о боях грядущих.

Елена Дмитриевна подошла к полке, сняла большой том в красном кожаном переплете и передала его мне.

Это был переплетенный комплект боевых журналов Пятого полка, громившего франкистов...

Горячим боевым ветром повеяло на меня с пожелтевших страниц, украшенных многочисленными боевыми снимками, портретами, страстными стихами Рафаэля Альберти и Хосе Эррера Петера, Антонио Апарисио и Луиса де Тапиа...

На красном переплете — вытесненные золотом буквы: «A Elena Stasova el 5 regimento» («Елене Стасовой от 5-го полка»). А на первом месте автограф, посвящение, полное слов любви и признательности к Елене Стасовой, посвящение, подписанное 10 мая 1937 года в Мад-

риде. И подписи героев испанского народа: Модесто, Контрерас, Листер...

1962 год. 15 августа

Групповой полет в космос. Замечательное письмо Стасовой. Первая мысль ее о Ленине.

«КАК БЫ ПОРАДОВАЛСЯ ЛЕНИН!

Я прожила большую жизнь. Многое мне пришлось повидать на своем веку, быть участницей больших революционных событий, работать вместе с В. И. Лениным. Радуюсь я до глубины души, что являюсь свидетельницей новых революционных свершений.

Да, о таких днях мечтал В. И. Ленин. И его идеи высоко подняты над нашей планетой. Советские герои-космонавты с честью пронесли знамя ленинизма... Мне вспоминается 1914 год — сибирская ссылка. До места заключения нас тащил паровоз, который с трудом преодолевал небольшие подъемы, останавливался почти на каждом километре. И все же эта техника считалась огромным достижением.

А теперь? Корабли устремляются к звездам. Они штурмуют такие подъемы, которые и не снились инженерам прошлого века.

Хочется дождаться того времени, когда советские космонавты побывают на других планетах, расскажут нам о тайнах Вселенной. А это, думается, дело ближайшего будущего. Не в характере советского человека останавливаться на достигнутом.

Поздравляю дорогих сынов Родины — Андрияна Григорьевича Николаева и Павла Романовича Поповича с блистательным успехом. Желаю им сил и здоровья!

Елена СТАСОВА,
член КПСС с 1898 года»

1963 год, 14 апреля

Солнечный весенний день. Елена Дмитриевна рассказывает о том, как посетили ее недавно юные пионе-

ры из подмосковной школы ее имени. Точно сама весна ворвалась в ее комнату. Кажется, она и сама помолодела с ними. А сколько было вопросов о Ленине, о подполье, об Октябрьской революции.

На столике, как всегда, целая стопка писем. И каждое из них — точно окно в прошлые годы, точно маленькая глава ее замечательной жизни.

Русское — из Москвы, от академика Лины Соломоновны Штерн. С пожеланиями здоровья и бодрости. Французское — из Парижа, от старых друзей времен работы в МОПРе. Итальянское — из Рима, со штампом палаты депутатов на конверте, от Витторио Видали, знаменитого Контрераса времен испанской войны. Немецкое — из Берлина, от Эми — дочери старого друга Вильгельма Пика, образ которого всегда жив в ее памяти. Английское — от секретаря Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки Элизабет Герли Флинн, и толстая книга героической американской коммунистки о своем жизненном пути, книга с теплой надписью друга и соратника. И еще одна книга от друзей, на немецком языке — о лейпцигском процессе, о славном подвиге Георгия Димитрова. Она хорошо знала Димитрова. Это был настоящий человек. Недавно она получила в подарок книгу от другого настоящего человека — от Германа Титова.

...Я читаю письма. Елена Дмитриевна лежит, полузакрыв глаза. И кажется мне, проходят перед ней вереницей никогда не умирающие образы друзей и соратников ее славной, боевой жизни.

1963 год. 15 октября

В этот день Елене Стасовой исполнилось 90 лет. Пять орденов Ленина и Золотая Звезда горят у нее на груди.

Ее чествовали все поколения нашей партии. И ветераны ленинской гвардии, и юные пионеры. Цветы. Письма. Телеграммы. Вдохновенные речи. На торжественном

собрании в Институте марксизма-ленинизма Народный художник СССР Н. Н. Жуков преподнес ей портрет В. И. Ленина.

1965 год. 1 января

Елена Дмитриевна обратилась с новогодним приветом к миллионам читателей «Правды»:

«Когда люди говорят друг другу: «С Новым годом!», они всегда имеют в виду желание видеть в наступающем году своих друзей, родных, знакомых здоровыми, счастливыми, чтобы они жили и сами были лучше, чем прежде. И каждый при этом надеется, что новый год принесет нечто действительно новое: жизнь станет краше, дружба народов крепче, мир спокойнее, плоды человеческого труда богаче. Вот и я, на 92-м году жизни, хочу сказать читателям «Правды» с тем же значением: «С Новым годом, дорогие товарищи!»

Пусть труд каждого из вас, на любом участке коммунистического строительства, принесет вам и всем людям радость, новые и новые достижения на благо личное и народное, здоровье — физическое и нравственное, счастье и красоту человеческой жизни.

ТРУД всегда был и остается главным украшением и мерой достоинства человека. И это лучше, чем кто-либо другой, доказал всей своей жизнью великий ЛЕНИН.

С ЛЕНИНЫМ в сердце, по ленинскому пути к новым и новым успехам, дорогие друзья!»

1965 год. 16 сентября

Елена Стасова по просьбе воинов Советской Армии опубликовала в «Красной звезде» статью, рассказывающую о боевых традициях старой ленинской гвардии.

«Нам, ветеранам ленинской партии, всегда приятно поделиться с вами своими воспоминаниями, мыслями о героической революционной борьбе нашего народа, об истоках Великого Октября, о том, как из искры, зажженной Лениным, возгорелось пламя революции.

Не познав революционное прошлое нашего народа,

трудно по-настоящему оценить все величие сегодняшних дней, пафос коммунистического строительства. Как партия шла к революции, как готовила массы к решительному штурму, какие лозунги выдвигала — все это не только история, это школа революционного воспитания. Молодая наша смена должна знать историю нашей борьбы — суровую, полную героизма и революционной романтики.

Готовясь отметить 50-летие Советской власти, мы прежде всего воздаем должное нашей славной партии коммунистов, созданной и выпестованной В. И. Лениным. Мы воздаем должное бесстрашным большевикам-ленинцам, которые, не страшась царских палачей, не страшась тюрем, пыток, каторги и смерти, поднимали трудящиеся массы на борьбу за свободу, за социализм. В дни основания партии большевики-ленинцы составляли небольшой, но доблестный отряд. Его собирал и повел за собой Владимир Ильич Ленин.

«Мы идем, — писал в те годы В. И. Ленин, — тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами...»

Да, путь, указанный Лениным, был трудным. Но это был единственно верный путь. Дорога к победе самого правого на свете дела — дела коммунизма.

Мне выпало счастье вступить в боевой ленинский отряд как раз в ту пору, когда он еще только сплачивался, когда нас было так мало, что мы знали друг друга в лицо и поименно».

«...Мы все были молоды и полны присущих юности душевных порывов. Старшему из нас не было и тридцати лет. Ленину, когда я о нем узнала, было около двадцати шести. В марксистском кружке, где Владимир Ильич вел занятия с рабочими одной из петербургских

застав, появился слесарь Иван Бабушкин. Последнему едва минуло двадцать, но он уже был сознательным революционером, Яков Свердлов, Феликс Дзержинский, Николай Семашко, Михаил Фрунзе и другие также с молодых лет посвятили себя революции...

...Единение таких людей, как Бабушкин, Бауман, Красин, Кржижановский, Свердлов, Цюрупа, Калинин, Орджоникидзе, Фрунзе, и многих других вокруг Владимира Ильича является результатом их идейной общности, итогом глубоких раздумий, смелых решений, осмысленных действий и, главное, совершенно ясного понимания того, что им иначе нельзя. Это смысл всей их жизни!

...Биография любого революционера-ленинца — это пример самоотверженности, беззаветного героизма, преданности революционному долгу, революционным идеалам. Мы считали обязательным для себя быть по-ленински кристально чистыми, принципиальными, правдивыми, непримиримыми к врагам коммунизма, врагам революции.

И еще, что очень важно усвоить и понять. Каждый революционер-ленинец стремился по-ленински вооружить себя теоретическими знаниями. Все мы глубоко и постоянно изучали марксизм. Михаил Васильевич Фрунзе, приговоренный царским судом к смертной казни, несмотря на жестокие условия тюрьмы, усердно изучал там военные труды Энгельса, читал книги по философии, работы В. И. Ленина. С Марксом советовался каждый, каждый стремился изучать теорию, вооружать себя знаниями.

...Быть преданным революционным идеалам, нести в своей душе великую верность Ильичу — это прекрасно, это основа жизни!»

1965 год. Октябрь

Елене Дмитриевне — 92. Как всегда пришел поздравить. Принес букет красных гвоздик. Просит рассказать

о том, что происходит в мире. Но оказывается сама обо всем прекрасно знает.

О чем только не переговорили мы в этот день! О предательстве китайских лидеров и о мужестве вьетнамцев. Об Анри Барбюсе. Она не может быть на очередном вечере, посвященном тридцатилетию (уже тридцатилетию!) со дня его смерти. Но продиктовала свои «листки воспоминаний» и просит огласить их, перевести и переслать в Париж — милой Аннет Видаль.

О встречах с Роменом Ролланом... Вот ведь тоже идет подготовка к столетнему его юбилею. Как бегут годы!..

О музыке. О Шопене. О воспитании молодежи. Тема, которая постоянно волнует ее. Как важно передавать комсомолу боевые наши традиции, рассказывать о людях истинной революционной закалки и прежде всего об Ильиче. Она об этом написала статью для «Комсомольской правды» и получила уже сотни, буквально сотни, откликов. И ведь на каждое письмо надо ответить... Конечно, при помощи друзей, секретаря. Приходится диктовать, давать основное направление ответа.

Потом разговор заходит о науке, о космосе. На ее веку только-только появились автомобили. А теперь человек выходит в звездные миры.

Все волнует ее. Обо всем хочется знать. Быть, так сказать, на уровне века.

И с каким живым вниманием слушает она рассказ мой о недавней поездке по ленинским местам. Красноярск и Шушенское. Краков и Поронин. — Следующий раз возьмите меня с собой, — улыбается Елена Дмитриевна. — Надо поразмять старые кости.

1966 год, 21 марта

Я только что вернулся из Вьетнама. Позвонил Стасовой. Она не вставала уже с кровати. Но потребовала, чтобы я немедленно пришел и рассказал ей обо всем, что видел в этой героической стране.

Я был очень огорчен, увидев, как исхудала Елена Дмитриевна. Но сознание было по-прежнему ясное. И глаза — светлые и мудрые. Ее интересовала каждая мелочь, каждая деталь. Она хорошо помнила молодого Хо Ши Мина, встречалась с ним в былые годы в Париже. Встретилась с ним и через многие годы на XXII съезде КПСС.

Особенно взволновал Елену Дмитриевну рассказ мой о борьбе и труде замечательных вьетнамских женщин.

— Как бы я хотела повстречаться с ними, поговорить по душам. Если будете писать, передайте мой привет задушевный. А может быть, сумею еще отправить им письмецо.

Я не хотел волновать и утомлять Стасову долгими рассказами. Но она не отпускала меня. Расспрашивала и о нашей помощи вьетнамцам, и о Китае, и о Франции. И сама слабым голосом вспоминала, как верен был всегда Ленин идеям пролетарского интернационализма, как в дни германской революции 1918 года, сам получая 50 граммов хлеба в день, призывал помочь германским рабочим.

Физические силы ее угасали. Но разум был по-прежнему ясен.

Я ушел в тот день от нее и огорченный, и растроганный, и пораженный силой ее духа.

А через несколько дней в «Известиях» была опубликована передовая статья Елены Дмитриевны Стасовой, посвященная открывающемуся XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Это было ее горячее слово, обращенное к делегатам. Слово о многолетнем пути нашей славной партии. Слово о прошлом, настоящем и будущем.

«Пройдет немного времени, и в Кремлевском Дворце съездов откроется очередной, XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Двадцать третий! За этой цифрой — целая историческая эпоха. Сколько трудных и славных дорог пройдено, сколько великих дел совершено! Оглянешься назад, и дух захватывает от всего этого, и сердце наполняется гордостью.

Мы прошли поистине замечательный путь... От старого мира эксплуатации и угнетения — к новому обществу социальной справедливости, подлинной свободы и счастья для всех. От сохи и бороны — к искусственным спутникам Земли и покорению космоса. И все это достигнуто под руководством ленинской партии.

...Я часто вспоминаю те далекие годы, когда мы, молодые революционеры, начинали борьбу с ненавистным царизмом за светлое будущее. Нас тогда было очень немного. Но мы были спаяны великой верой в правоту своего дела, в неизбежность революции.

— Пока нас мало, — не раз говорил мне В. И. Ленин, — но скоро наступит время, когда в ряды революции вольются новые силы. Нас поддерживают лучшие представители русской интеллигенции и рабочего класса, а ему принадлежит будущее.

...Молодежь часто спрашивает меня: в чем «секрет» победы Октябрьской социалистической революции? Я отвечаю на это: прежде всего в том, что партия сумела убедить трудящихся, что эта революция совершается во имя народа и для народа. Народ поддерживал партию потому, что она являлась его детищем и выражала интересы самого передового класса — пролетариата.

Наша партия всегда была с народом — и в горести, и в радости, верила в его могучую созидательную силу, всегда обладала великой мудростью и дальновидностью. Вспомните I Всероссийский съезд Советов. Сторонники коалиции утверждали тогда, что в России нет партии, способной взять на себя ответственность за судьбы страны. Но вот поднимается Ленин и произносит свою знаменитую фразу: «Есть такая партия!..»

Он говорил о партии коммунистов.

Да, эта партия смело и решительно повела за собой народ по неизведанному пути.

В трудные годы гражданской войны особенно ярко проявилась роль нашей партии как организатора и вдохновителя трудящихся масс. Коммунисты всегда были в первых рядах борцов, находились на самых опасных участках. Осенью 1919 года, когда белогвардейские войска генерала Деникина подходили к Туле, партия провела партийную неделю. Она проходила под лозунгом: «Рабочие — в партию, коммунисты — на фронт!»

Я хорошо помню, как в одном из отчетов Центрального Комитета отмечалось, что «членский билет нашей партии при таких условиях означал до известной степени кандидатуру на деникинскую виселицу». И все же люди шли в нашу партию, старались быть рядом с нею, подпирать ее своим плечом в эту грозовую годину.

...Собирая сухари и муку, по крупицам отрывая от своих скудных запасов, трудящиеся Петрограда и Москвы направили в революционную Германию два эшелона с хлебом. Какой прекрасный пример пролетарского интернационализма! Нашей партии, советским людям всегда было присуще высокое чувство братской интернациональной солидарности.

...Когда закончилась гражданская война, партия мобилизует народ на быстрейшее восстановление экономики, на ликвидацию разрухи и нищеты. Положение тяжелое: стоят заводы, затопленные шахты, нет топлива и хлеба. Но Ленин и партия уже видят страну, озаренную ярким электрическим светом. Ленинский план ГОЭЛРО становится основой подъема народного хозяйства.

...В июне 1941 года на нашу страну внезапно всей силой обрушилась фашистская военная машина. На долю советских людей выпала еще одна война — самая тяжелая из всех, какие знала история. Сотни городов и

тысячи сел были превращены в руины. Около двадцати миллионов советских людей погибло.

Какая другая страна смогла бы выдержать такие лишения, такие испытания? А мы выдержали и победили. Потому что воевали за правое дело. Потому что нами руководил испытанный кормчий — Коммунистическая партия.

...Чем же объясняются эти успехи нашей партии, нашего народа? Чем объяснить, что менее чем за полвека Коммунистическая партия сумела сделать то, чего еще не удавалось сделать ни одной партии, ни одному государству? Тем, что наша партия — смелый новатор и первооткрыватель. Тем, что партия и народ у нас связаны неразрывными кровными узами.

...Обозревая путь, пройденный нашей партией, мы еще явственнее видим его величие, его трудности, его правильность. Мы, старые большевики, радуемся богатырскому размаху коммунистического строительства, необъятным перспективам нашего поступательного движения.

В труде, в претворении решений партии, в создании материально-технической базы коммунизма воспитывается и закаляется наш современник, обретает новые творческие силы наш великий народ...»

1966 год. 3 октября

Никак не мог предполагать, что это будет мой последний долгий разговор с Еленой Дмитриевной. Она выглядела значительно лучше, чем в прошлый раз. Была очень оживлена.

Вспоминала о юных годах своих. Опять много говорила о музыке, о «Симфонических этюдах» Шумана в исполнении Антона Рубинштейна. «Как жаль, что я не в силах сейчас слушать музыку по радио. Хотела бы ближе узнать Шостаковича, послушать новых исполнителей». С большой нежностью рассказывала об отце своем. В столе у него хранился большой альбом с порт-

ретами всех декабристов. В свободные вечера он любил перебирать портреты, рассказывать Леле о трагических судьбах этих замечательных людей. «Он умер в девяностолетнем возрасте. Нас было в семье шестеро — три сестры и три брата. Отец все говорил мне после Февральской революции: вот, Леля, ни мать, ни сестры твои не могут понять, что все это только начало бури, которая еще не скоро уляжется.

Он был бы с нами. Я уверена, что он был бы с нами, как и дядя Владимир Васильевич. А я ведь мечтала познакомить дядю с Владимиром Ильичем. Им было бы о чем поговорить...

Как ясно и отчетливо помнит она о всех событиях юности. Потом вспоминает о встречах с Ролланом и Барбюсом. Как провожала Барбюса в последний скорбный путь его.

И опять письма, письма, письма.

Особенно запомнилось мне письмо из Сыктывкара. Студентка второго курса педагогического института Оля Жарова спрашивала, как прожить свою жизнь так, чтобы походить хоть немного на Елену Дмитриевну и как быть достойным комсоргом курса.

А пионеры из отряда имени Стасовой далекой деревни Алтайского края рапортовали, что нет у них ни двоек, ни троек. Если так пойдет и дальше (а они приложат все силы, чтобы именно так пошло), обещают их премировать поездкой на каникулы в Москву, в гости к бабушке Стасовой.

— Так что будем ждать дорогих гостей с Алтая. Хотя и московские пионеры не забывают меня.

В памятный день годовщины разгрома фашистов под Москвой, после торжественной церемонии захоронения праха Неизвестного солдата, ее навестили старые соратники — ветераны ленинской партии Анастас Микоян, Климент Ворошилов и Николай Шверник.

...Она скончалась в последний день декабря 1966 го-

да. Но я не хочу ничего писать об ее смерти. Для меня она всегда остается живой. О таких людях, как Стасова, сказал поэт: «Не говори с тоской — их нет, а с благодарностию — были...»

Через три недели после кончины Е. Д. Стасовой в «Правде» была опубликована последняя статья ее, прекрасно завершающая замечательную жизнь, целиком заполненную служением делу партии.

«...История показала, — писала в этой статье Елена Дмитриевна, — что путь, который избрал наш народ под руководством коммунистов, оказался единственно правильным, хотя у нас, как, помнится, образно писал Владимир Ильич, не было «ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!».

И ничего, справились. Да еще как! На Луну первыми советский герб доставили и из космоса «Интернационал» в наш родной Кремль передали. Я когда об этом узнала, то у меня, хотя я не из плаксивых, слезы лились. Меня разжалобить нелегко. Крупская Надежда Константиновна в свое время надо мной подтрунивала: ты, говорит, Елена, каменная какая-то. И вот этот «камень», как дитя, плачет, услышав «Интернационал» из космоса... А ведь когда-то революцию делали голодными, босыми, в лаптях. Теперь же вон куда шагнули!

И все это — результат труда нескольких поколений советских людей: и тех, кто шел на штурм Зимнего дворца и Перекопа, кто боролся с кулаками и строил Турксиб, кто организовывал для миллионов курсы ликбеза, и тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны, страшной, разрушительной. А какой тяжелой гражданская война была! Крови за революцию много пролили. Зато вот 50 лет светит всем людям земли: смотрите, что может народ сделать, когда сам хозяином своей жизни становится! Социализм построили, коммунизм строим. И не случайно 50-летие Советской

власти не только мы, а на всей земле трудовые люди праздновать будут.

Как бы порадовался всему этому Ленин! А ведь он мог бы дожить: ему бы сейчас 96 лет было — мы почти ровесники, мне — 94-й.

Да, за эти годы многое пришлось повидать. Ведь мне посчастливилось быть участницей трех революций, работать вместе с Владимиром Ильичем Лениным и быть свидетельницей новых революционных деяний советских людей и трудящихся разных стран на всей нашей планете.

Свое революционное крещение я получила в рядах боевого питерского пролетариата. Мне очень повезло: моей подругой молодости оказалась Надежда Константиновна Крупская. Через нее я познакомилась с товарищами, близкими к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Тогда, в 1895 году, я впервые услышала о Владимире Ульянове. А ведь этот человек станет потом Лениным — вождем партии, которая потрясет мир!

Надо обратить внимание на то, что нас, старых большевиков, с каждым годом все меньше становится и нужно успеть из нас все «выжать» — все, что мы помним, знаем; для поколений, для истории это очень важно!

Почти 70 лет назад, в 1898 году, Петербургский комитет социал-демократов доверил мне, молодой учительнице, ведать техникой комитета, адресами революционеров, явками и т. п. Так я стала членом партии. Мне довелось быть затем петербургским агентом ленинской «Искры», долгие годы осуществлять связи многих организаций России с заграницей, с Лениным.

Я счастлива, что довелось участвовать в подготовке исторического II съезда РСДРП, который принял первую Программу нашей партии, съезда, на котором образовалась партия большевиков. Участвовала я и в работе VIII съезда, принявшего вторую Программу пар-

тии — программу строительства социализма. Не скрою, с волнением получала я мандат делегата XXII съезда партии, утвердившего третью Программу КПСС — программу строительства коммунизма.

К сожалению, нездоровье не позволило мне присутствовать на XXIII съезде партии, но я внимательно следила за его работой. Он очень важным был для партии и страны. И не только потому, что речь шла о новой пятилетке, а и потому, что во всей работе съезда чувствовался дух Ленина, его деловитость.

Принципиальное коллективное руководство, соблюдение и расширение советской и партийной демократии — это единственно правильный и естественный путь. Только он обеспечит подлинную деловитость, глубокое обдумывание и неторопливость в решении важнейших партийно-государственных проблем.

Пусть товарищи не сочтут мои раздумья за какое-то назидание. Я далека от этого. Но мне очень хотелось бы на правах старшего товарища поделиться своими соображениями с единомышленниками по партии.

Советским людям предстоит много поработать, чтобы выполнить намеченную XXIII съездом партии программу развития народного хозяйства, всего советского общества. Этому должно способствовать дальнейшее совершенствование форм и методов партийного руководства, повышение ответственности каждого коммуниста за общепартийное, общегосударственное дело.

Нам, ветеранам революции, иногда с удивлением и прямо-таки с возмущением приходится слышать или читать о фактах недисциплинированности и даже аморального поведения отдельных коммунистов, их пассивности на партийных собраниях и в выполнении партийных поручений, равнодушия к проявлениям бюрократизма, зажима критики и т. п. Кому-кому, а уж члену партии Ленина, правящей партии нашего Советского государства, подобное поведение абсолютно непростительно и долж-

но в каждом конкретном случае строго наказываться вплоть до исключения из партии. Этим мы только повысим авторитет партии среди масс. И хорошо, что это положение внесено XXIII съездом в Устав КПСС. Коммунист — активный солдат партии, кристально чистый, идейный и принципиальный борец за коммунизм, за народное счастье, и никаких поблажек здесь быть не может.

У коммунистов нет каких-то особых привилегий, кроме одной — всегда и во всем быть впереди, быть примером и образцом. Такими страстными, принципиальными, до конца дисциплинированными революционерами были тысячи ленинцев — Бабушкин и Бауман, Ольминский и Спандарян, Дзержинский и Орджоникидзе, Свердлов и Цюрупа — да разве всех перечислишь! И наоборот, очищением от недостойных элементов партия всегда только укрепляла себя. Так было при Ленине. Он становился непреклонным, когда сталкивался с бездействием, разгильдяйством, волокитой. Так должно быть и сейчас. Единая партийная дисциплина, высочайшая ответственность за судьбы коммунистического строительства обязательны для всех членов КПСС независимо от их званий и должностей.

И наконец, мне хочется особо обратиться к нашей молодежи, к комсомольцам, к молодым коммунистам.

Известно, что за границей советских людей обычно называют коммунистами. Ну что ж, это справедливо: коммунистическая идеология стала идеологией не только нашей партии, но и всего советского народа. И мы стремимся к тому, чтобы каждый советский человек, и прежде всего каждый коммунист, комсомолец, овладевал теорией научного коммунизма, знал историю КПСС, строил свою жизнь по Ленину.

Коммунист должен всегда чувствовать себя борцом. А для этого он должен быть глубоко убежден идейно.

Меньшевик Ф. Дан, как я уже об этом писала ранее,

признавая свое бессилие в споре с Лениным, говорил: Ленин непобедим «потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мыслей о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним».

Вот какой могучей силой идейной убежденности обладал Ленин!

Величие Ленина заключается не только в его гениальности как руководителя, но и в очень чутком и внимательном отношении к людям. Зато и любовь народа к Владимиру Ильичу была и останется неиссякаемой.

Известно, что в канун Октябрьской революции в России, кроме большевистской, было много различных политических партий, которые на разные лады предлагали народу свое руководство. Но народ за ними не пошел. Он пошел за Лениным, за ленинской большевистской правдой! В этом кроется коренной, определяющий момент всего исторического развития. В это надо вдумываться и вдумываться. Особенно, пожалуй, зарубежным деятелям.

Почему рабочие и крестьяне пошли именно за партией большевиков? Да потому, что только она, марксистско-ленинская Коммунистическая партия, выражала коренные интересы рабочего класса, всего трудового народа. Наша партия оказалась единственной, которая сумела своими лозунгами, очень понятными, истинно жизненными целями сплотить народы России, повести их на штурм старого мира и обеспечить победу социализма.

Всего несколько десятилетий назад наша партия, по образному выражению Владимира Ильича Ленина, представляла собой тесную кучку людей, которые шли, крепко взявшись за руки, по обрывистому и трудному пути, окруженные со всех сторон врагами, под их непрерывным огнем. А теперь в нашей партии — свыше 12 мил-

лионов единомышленников, коммунистов. Какая это могучая армия!

История показала, насколько сильно единение партии и народа — в любой обстановке, в любое время, как говорится, в труде, в бою, в бурю и ясный день. Именно прочная связь и единство коммунистов с массами обеспечили победу Октябрьской революции и разгром интервентов и белогвардейцев, помогли успешно осуществить индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, сокрушить фашизм в Отечественной войне, построить социализм и перейти к строительству коммунистического общества. У нас, коммунистов, не было и нет других забот, кроме служения трудовому народу.

На пути своем нам довелось преодолеть немало препятствий и лишений, а в определенные моменты допускались, конечно, и ошибки: путь-то наш был непротоpенный. Не в правилах коммунистов замалчивать неудачи. И партия их не скрывает. Но ни в коем случае недопустимо и их преувеличение.

Разве они могли поколебать сплоченность и идейное единство партии и народа, его веру в правильность ленинской генеральной линии Коммунистической партии? Разумеется, нет. Как и не могли заслонить они тот поистине легендарный подвиг народа, партии во время индустриализации, коллективизации, культурной революции, в грозное время Великой Отечественной войны!

Эти годы по своему значению, содержанию социальных преобразований непосредственно примыкают к Октябрьской революции. Это одно целое. И поэтому на все века войдет в историю человечества подвиг советских людей в эти великие десятилетия социалистического строительства.

Империалистическая пропаганда, спекулируя на трудностях, недостатках и ошибках, имевших место в

нашей истории, старается всевозможными средствами внушить советским людям, особенно молодежи, неуважительное отношение к прошлому, подорвать доверие к идеям коммунизма. В этих условиях острых классовых схваток двух противоположных систем на мировой арене чрезвычайно важно вести последовательную борьбу против аполитичности, частнособственнических устремлений и мещанских настроений, против нигилистического отношения к идеалам и завоеваниям социализма.

Главное оружие в этой борьбе — ленинизм.

Недавно закончено издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Здесь собрано воедино все богатство ленинской мысли, причем более тысячи работ и документов опубликовано впервые. Это большое событие в нашей жизни. Но овладевать ленинизмом — значит усваивать существо ленинского учения, его метод, его дух, учиться претворять его в практических делах, а не заниматься формальным, бездумным цитатничеством. Овладевать ленинизмом — значит быть убежденным борцом за великие идеалы.

Советская молодежь знает о капитализме только весьма отвлеченно — по книгам и кино. И долг отцов, матерей, старших товарищей — воспитывать у молодежи священную ненависть к эксплуатации, угнетению человека человеком, к капитализму и колониализму, к любым проявлениям социального и национального неравенства. Именно огнем такой священной ненависти пылало сердце Ленина, пылали наши сердца, его учеников и соратников, всех революционеров-борцов.

Со страстной революционной идейностью нести и впредь эстафету поколений — ударная задача времени. Нам, солдатам старой большевистской гвардии, очень радостна эта преемственность поколений. Она ярко проявляется в практических делах молодежи: на строительстве величайших электростанций, железных дорог, новых городов, в покорении целины и космоса.

Многие десятилетия разделяют годы нашей юности и нынешних поколений. Это разные времена. Но именно поэтому очень важно постоянно раскрывать сейчас перед молодежью конкретные точки приложения ее революционной энергии.

Каждое новое поколение революционеров решает новые исторические задачи. Но важно перенять страстность закаленных революцией борцов, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность партии и жгучую ненависть к врагам революции. Ибо начатая нами революция продолжается, и ее иносказательными баррикадами, где закаляется революционная сталь, где проходят школу борьбы за счастье народа, являются сегодня заводские цехи, шахты, стройки, колхозные и совхозные поля и фермы, лаборатории научно-исследовательских институтов, вузы и техникумы, все участки деятельности, на которых властвует созидательный труд во имя коммунизма. Труд упорный, творческий, во имя постоянного укрепления социалистической Родины — вот что такое революция сегодня. Вот что такое в наши дни знаменитые слова революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!..».

Не случайно советский народ окружает любовью и почетом людей труда. В газетах почти ежедневно читаешь, что представители самых различных профессий удостаиваются высокого звания Героя Социалистического Труда или награждаются орденами и медалями СССР. Всенародными праздниками стали у нас специально учрежденные правительством дни, в которые страна чествует металлургов, шахтеров, химиков, железнодорожников, строителей, геологов, нефтяников, космонавтов, учителей, журналистов, рыбаков, работников легкой промышленности, медицины, торговли... Это очень волнующе и правильно, и важно высоко дорожить честью рабочего человека, честью строителя коммунизма.

Эстафета наших революционных поколений имеет и колоссальное международное значение. В успешном коммунистическом строительстве в нашей стране проявляется наш высший интернациональный долг.

Неузнаваемо изменилась карта мира со времен Октября. Создание и развитие мировой системы социализма, крах колониализма, возникновение десятков независимых государств в Азии и Африке, превращение международного коммунистического движения в самую влиятельную политическую силу современности — все это убедительное доказательство великой правды ленинизма.

И мне, старой коммунистке, много лет проработавшей и в Коминтерне и в некоторых других организациях, связанных с мировым рабочим, антифашистским или антивоенным движениями, особенно видна мудрая политика нашей партии, которая, ведя неуклонную борьбу за мир, оказывает всемерную помощь революционному движению, всячески содействует освободительной борьбе народов.

Советские люди с чистой совестью повторяют и ныне ленинские слова: «Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не освятили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли...» Пример тому — братская помощь СССР, других стран социализма вьетнамскому народу.

И пусть помнят империалисты: революцию убить нельзя!

Не для красного словца Карл Маркс называл революции локомотивами истории. Таким могучим двигателем истории явился наш Великий Октябрь. Вперед же, друзья, родные советские люди и братья по классу во всем мире, к новым победам коммунистических идей!

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!».

* * *

На обложке «Истории Коммунистической партии Советского Союза» — в правом нижнем углу, на фоне первого номера ленинской «Искры» — алая гвоздика. Сделано это по предложению верных соратниц Ильича Е. Д. Стасовой и М. Л. Сулимовой.

Красная гвоздика была любимым цветком парижских коммунаров.

Для ветеранов нашей партии красная гвоздика была символом братского единства в революционной борьбе.

Они дарили ее друг другу в дни молодости. Красную гвоздику любил Ильич.

У подножия Кремлевской стены, где захоронена урна с прахом Стасовой, было много больших и малых венков от соратников, друзей и учеников.

Среди них выделялись скромные букеты живых гвоздик. Алых гвоздик.

СОДЕРЖАНИЕ

Исбах Александр Абрамович

ТОВАРИЩ АБСОЛЮТ

Редактор **К. М. Чушкова**
Художник обложки **Е. С. Пермяков**
Художеств. редактор **В. Н. Конюхов**
Технический редактор **Т. В. Пичугина**
Корректор **Л. С. Соколсва**

А 10072. Сдаио а иабор 12/XII 1972 г. Подписаио к печати 28/II—1973 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Бум. л. 1,75. Печ. л. 3,5. Усл.-печ. л. 4,90. Уч.-изд. л. 4,96. Тираж 100 000 экз. Издательстао «Зиаиие». 101000. Москаа, Центр, проезд Серова, д. 3/4. Отпечатаио с иабора типографии Всесоюзиого общестаа «Знаиие». Москва, Цеитр, пр. Сероаа, д. 3/4 на Кинжиой фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государстаеиного комитета Соаета Миинстров РСФСР по делам издательста, полиграфии и книжиой торговли. г. Электросталь Москоаской области, ул. им. Теаосяна, 25. Заказ 1238. Цена 15 коп.

15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1973